Юрий НЕСТЕРЕНКО

ВТОРЖЕНИЕ

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ЗВЕЗДЫ «МЛЕЧНОГО ПУТИ»

Юрий Нестеренко
Вторжение (сборник)

текст предоставлен издательством "Млечный путь"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3748505
Юрий Нестеренко. Вторжение: Млечный путь;

Аннотация

Повесть «Вторжение» была задумана в 1988 году как полемика с произведениями А. и Б. Стругацких «Туча» и «Гадкие лебеди». Проблематика остальных произведений сборника – от возможностей человеческой психики до будущего человечества.

Содержание

Вторжение 4
1 4
2 9
3 18
4 31
5 43
6 47
7 56
8 61
9 69
10 79
Ad majorem 87
Август 101
В двух шагах от моря 129
Конец ознакомительного фрагмента. 131

Юрий Нестеренко
Вторжение (ссборник)

Вторжение

И вышел дым из кладезя бездны,
как дым из большой печи; и из дыма
вышла саранча на землю, и дана была
ей власть… На ней были брони, как
бы брони железные… Власть же ее
была – вредить людям пять месяцев.
«Откровение Иоанна Богослова»

Железной рукой загоним человечество к счастью!
Советский лозунг 20-х годов

1

Здание аэровокзала было набито битком. В воздухе стоял разноголосый гул. Протискиваясь сквозь толпу, Беланов вглядывался в лица этих людей: растерянные, испуганные, мрачные, деловитые, усталые, злые… Люди бежали из города. Одни считали, что это временно, буквально на несколько дней. Другие прощались с городом навсегда. Третьи чув-

ствовали, что проститься придется не только с городом, но и со всем привычным укладом жизни. «Кто из них прав? – думал Беланов. – Пока, кажется, Туман ничем не угрожает. Впрочем, человек всегда боялся неизвестного… и нередко оказывался прав».

Он вышел на улицу. Моросил мелкий дождь. На стоянке такси не было ни одной машины. Беланов направился к рейсовому автобусу, как вдруг услышал:

– Артур!

Рядом с ним остановился серый автомобиль. Из машины вышел высокий нескладный человек лет сорока, в сером плаще и без шляпы, и поспешил навстречу Беланову.

– Генрих!

Они обнялись.

– Сколько лет мы не виделись? – спросил Генрих.

– Пять лет. Здесь тогда все было иначе. С каждым рейсом прилетали туристы. А теперь все только бегут. И дождь этот мерзкий…

– У нас теперь всегда дождь. Садись в машину.

Автомобиль выехал на шоссе, ведущее к городу.

– Туман притягивает к себе тучи? – спросил Беланов, глядя на серое, без единого просвета небо и мокрое шоссе.

– Черт его знает, может, притягивает, а может, сам плодит… Скоро сам все увидишь.

Беланов пожал плечами.

– Что я могу увидеть, я же не специалист по проблемам

экологии. Я кибернетик.

– Я уж не знаю, кто здесь нужен, эколог, кибернетик или священник. Во всяком случае, ни с чем подобным люди прежде не сталкивались.

– Что он из себя представляет? По газетам ничего толком не поймешь.

– Туман как туман, только серый и очень плотный. Ни ветер, ни дождь на него не влияют. Сейчас он занимает уже около десяти квадратных километров и хоть и очень медленно, но растет. Издали это похоже на застывший дым, только без клубов. Сплошное ровное марево. Впрочем, когда увидишься с доктором Кромвальдом, он тебе это распишет по науке.

Автомобиль миновал колонну военных машин, стоявших на обочине.

– В городе много военных? – спросил Артур.

– С каждым днем все больше.

– Но им-то что здесь делать? Какое отношение они имеют к науке?

– Первобытный человек, видя что-нибудь непонятное, хватался за дубину. Потом в сознании людей произошел поворот, и они в таких случаях стали обращаться к богу. (Беланов поморщился – он не любил религию.) Однако все возвращается на круги своя, – продолжал Генрих. – Впрочем, их тоже можно понять. Все-таки второй после столицы город Республики… летняя резиденция Президента…

Автомобиль въехал в город. Улицы были пустынны. На перекрестках мокли полицейские в длинных блестящих плащах. Наконец Генрих остановил машину. Дальше ехать было некуда. Улицу перегораживал полосатый шлагбаум. На нем красовалась жестяная табличка: «Стой! Предъяви пропуск». По ту сторону шлагбаума улицу заполняла военная техника: грузовики, амфибии, бронетранспортеры. В конце улицы виднелась еще одна загородка. За ней все терялось в серой пелене.

– Это он и есть?

– Да.

Генрих дал задний ход. Машина развернулась и покатила в объезд.

– Надеюсь, ты не надумал остановиться в гостинице? – поинтересовался Генрих.

– А почему бы и… – начал Беланов.

– Никаких «почему бы»! Ты остановишься у меня. Не бойся, ты меня ни капли не стеснишь. Я тебе тоже не буду навязывать своего общества.

– Но мне надо нанести кое-какие визиты… Я буду поздно возвращаться…

– Ничего, я сам ложусь поздно.

– А Маргарита не будет возражать?

Генрих сник.

– Я разве не писал тебе? Мы расстались. Уже больше года.

– Извини. Я действительно не знал.

– Да что там… В конце концов, поэт, у которого все хорошо, перестает быть поэтом… А вот мы и дома! – закончил Генрих, тормозя у подъезда.

2

Несколькими часами позже Артур поднимался по старой лестнице со стертыми ступенями. Дом был построен еще в прошлом веке; таких в городе оставалось уже немного, в основном в центре, и половину их уже поглотил Туман. Артур остановился на площадке четвертого этажа и позвонил. Внутри квартиры послышались шаги и смолкли у двери; очевидно, его рассматривали в глазок. Затем дверь открылась.

– Здравствуй, Эльза.

Она не казалась слишком удивленной.

– Здравствуй, Артур. Я знала, что ты приедешь.

Она провела его в комнату и села у окна. Артур устроился напротив и только тут заметил, как она изменилась. Лицо ее было бледно и устало; от глаз разбегались мелкие морщинки, веки покраснели и припухли. Взглянув на нее, Беланов сразу же спросил о здоровье.

– Нормально… Я просто устала, – она вымученно улыбнулась.

– У тебя неприятности? Впрочем, теперь у всех неприятности. Туман…

– При чем тут Туман?

Она встала и повернулась к окну.

– Вон он, отсюда виден… Триста метров до ближайшего ограждения. Соседи говорят – надо уезжать… Сейчас на

окраинах много пустых квартир. А то и совсем из города… Наверное, скоро я останусь одна во всем доме. И буду ждать Туман…

– Что с тобой, Эльза? Откуда эта мрачность?

Она резко обернулась к нему.

– Ты видел наших детей, Артур? Ты можешь объяснить, что с ними происходит?!

В этот момент раздался звук ключа, вставляемого в замочную скважину. Дверь открылась и захлопнулась.

– Это он, – сказала Эльза и крикнула: – Роберт!

На пороге появился рослый и крепкий парень лет пятнадцати.

Он был в пятнистой куртке военного образца с закатанными рукавами, такой же маскировочно-пятнистой расцветки штанах и тяжелых армейских ботинках. На поясе у него висело некое самодельное подобие полицейской дубинки. На левой стороне груди был приколот странный значок: в черном овале белая буква М. Мокрые от дождя волосы были коротко подстрижены.

– Здравствуй, Роберт, – Беланов поднялся навстречу сыну и протянул руку.

– Здравствуй, – ответил Роберт. Во взгляде его читалось раздражение. Секунды две он раздумывал, пожать или нет протянутую руку. Наконец все-таки пожал, тут же развернулся и вышел из комнаты. Снова раздалось клацанье ключа, хлопнула дверь.

– Погоди… Он что, в дверь своей комнаты замок врезал?

– И ключ всегда с собой носит, – чуть не плача, подтвердила Эльза. – Я ему говорю: «Неужели ты думаешь, что я буду без разрешения рыться в твоих вещах?» А он: «А кто тебя знает! Вы ведь сейчас все трясетесь, как бы не нарушили благополучие вашего мирка! Ты же воображаешь, что это для моего же блага, а раз так, считаешь себя вправе вмешиваться в чужую жизнь!» А когда я плакала, вышел из своей комнаты, встал в дверях и говорит: «Слушай, прекрати, пожалуйста! Терпеть не могу театра, тем более такого провинциального!» Ушел и заперся.

– А я ему подарок привез… – произнес Артур и выложил на стол зеленый кляссер.

– Он больше не собирает марки. Он, по-моему, вообще больше ничем не увлекается. Хотя я о нем уже ничего толком не знаю. Целыми днями где-то пропадает, иногда и не ночует. О выпивке, куреве, тем более о наркотиках говорит с негодованием. Хорошо, если это не показное…

– У него есть девушка?

– Как-то раз я заикнулась об этом. Он отрезал, что у них есть дела поважнее и что наш разложившийся мир и без того пропитан развратом. Он вообще зовет нас прогнившими, разложившимся, говорит, что скоро всему этому будет положен конец…

– Уж не они ли собрались его положить?

– Кто их знает… Знаешь, как они себя называют? Асси-

стенты!

– Ассистенты?! Чьи?

– Кто же их знает! У них какая-то полувоенная организация. Ходят вечно с дубинками…

– А полиция?

– Полиция смотрит на это сквозь пальцы. У нас, говорят, рост молодежной преступности, наркомания, проституция, всевозможные агрессивные фанаты, тут еще этот чертов Туман, а вы лезете с какими-то ассистентами! Да на них, если хотите знать, молиться надо! Они по ночам патрулируют город, громят притоны наркоманов, разгоняют проституток порой лучше, чем полицейские наряды! Рэкетом они не занимаются, ни одного честного человека еще не тронули – чего ж вам от них надо?

– Уж не полиции ли они ассистируют?

– Нет, полицию они презирают, как всех нас. Но знаешь… самое страшное… – Эльза вдруг перешла на шепот, – они ходят в Туман!

– Но послушай… это же вздорные слухи… Газеты пишут, что еще никому не удавалось войти туда и вернуться… И потом – там патрули…

– Это не слухи! Во-первых, патрули перекрывают только улицы. А есть еще дома… брошенные, пустые дома вокруг Тумана… есть крыши, есть, наконец, канализационные люки…

– Ох, Эльза, это просто смешно! Чтобы наш Роберт полез

через канализацию в Туман…

– Не смейся, они не такое способны! «Наш Роберт!» Сколько лет ты его не видел?!

– Я попробую поговорить с ним.

– Он тебе даже дверь не откроет.

– И все-таки попробую.

Беланов подошел к двери комнаты сына и постучал.

– Роберт!

Никакого ответа.

– Роберт, открой, пожалуйста!

Щелкнул замок.

– Хорошо, – Роберт открыл дверь. – В твоем распоряжении десять минут. Но с тем, чтобы больше ты ко мне не приставал.

– Роберт, ну зачем ты так? Я все-таки твой отец.

– Ты был им семь лет назад. Вы поднимаете глобальные вопросы, хотите сохранить свой мир, а сами не можете даже сохранить свою семью. Да и вообще, почему родители считают, что они приобретают какую-то власть над детьми только потому, что они родители? Выдумали какой-то «неоплатный долг», «любовь»… Да почему вообще ребенок, – это слово Роберт произносил с кривой усмешкой, – обязан любить родителей? Как это вообще можно быть обязанным любить? Ну ладно – мать, она еще мучилась при моем рождении. Но ты-то, прости, испытал лишь пару минут удовольствия, даже не зная, что это приведет к моему появлению на свет – и я

за это должен быть тебе благодарен?

– Ну знаешь, мы все-таки растили тебя, воспитывали…

– А я сидел у вас на шее? А выйдете вы на пенсию – будете сидеть на шее у государства, следовательно, у меня тоже. Более того, учитывая отрицательный прирост населения, поскольку в большинстве семей сейчас один ребенок – нам, в процентном отношении, придется больше заботиться о вас, чем вам в свое время о нас. Так что «неоплатный долг» мы выплатим с процентами, и не лезьте в нашу жизнь.

– Послушай, Роберт, откуда такая неприязнь к нашему поколению?

– Откуда?! Да разве не вы развалили мир? Разве не вы привели цивилизацию на край гибели – если не от ядерной войны, так от экологического кризиса? Разве не вы оставляете нам в наследство это кровавое месиво мелких страстишек, низкой лжи, сладкого лицемерия, подленького честолюбия, грязного сладострастия? О, хоть бы нашли в себе смелость сознаться в этом! Но главную суть вашего мира составляет вранье, и ладно бы еще вы врали только другим, но вы врете и самим себе. Ваше христианство насквозь лживо и нелепо, попросту вредно – и дело не в том, что его извратили средневековые фанатики, оно по самой сути направлено против жизни, в пользу всего слабого, немощного, гниющего! Вы провозглашаете мораль, которой сами не желаете придерживаться! Вы рассуждаете о судьбах человечества, а сами думаете о себе, о том, как сохранить свой убогий ми-

рок! Теперь вы глядите на нас с ужасом, а ведь мы – это ваше порождение. Только одна часть нового поколения – мы – это ваше отрицание, а другие – та шваль, из-за которой ночью небезопасно ходить по улицам, – это ваше логическое продолжение.

– Ну это уж ты хватил…

– Что хватил? Когда до сих пор ваши либералы, ваша болеющая душой, то бишь душевнобольная, интеллигенция призывает к смягчению, к методам убеждения, к всемирной отмене смертной казни! Как будто весь этот сброд, всю эту мразь, всю эту современную молодежь – да и подонков вашего поколения – можно укротить иначе, чем террором, расстрелами и концлагерями!

– Роберт, то, что ты проповедуешь – не ново. Якобинцы казнили проституток, в СССР судили за гомосексуализм – разве это уничтожило порок? Как ты не понимаешь, что демократия, гуманизм – это величайшие завоевания человечества, что от первобытной дикости…

– Какие книжные… и какие пустые фразы! Что такое ваша демократия? Власть толпы, или лучше – власть быдла! Море серых посредственностей, бездарностей, которое поглощает и перемалывает всех выдающихся! Появись Наполеон в наше время, он бы просидел в лейтенантах до старости, если бы его прежде не отдали под суд за самовольные действия под Тулоном. И, наконец, главное – власть толпы по существу таковой не является, это опять власть олигар-

хии – но в эту олигархию, как правило, попадают не истинно достойные, а представители той же толпы, те же посредственности!

– Но кто же, по-твоему, истинно достойный?

– Тот, кто завоюет эту власть, а не получит ее в качестве подарка от лавочников и домохозяек.

– Право силы?

– Да, право силы. Силы, ведущей к величию. Только железная рука может вести общество вперед по единому плану, без шатаний вкривь и вкось.

– Но ведь это казарма!

– Казарма лучше, чем бордель.

– Послушай, Роберт, – Беланов провел рукой по лбу, – ведь это все не твое… Ты не говоришь – ты ораторствуешь на митинге, притом повторяя заученные чужие слова. Кто учит вас всему этому?

– Ты прямо как наш бургомистр, – усмехнулся Роберт. – Тот уверен, что мы поддались коммунистической пропаганде. А левая газетенка «Равенство» как-то назвала нас неофашистами. И то, и другое чушь. Фашисты зациклились на национальном вопросе, а коммунисты развалили экономику. Но и в той, и в другой идеологии немало рационального.

– Роберт, твой прадед был русский офицер, твой дед воевал в Сопротивлении…

– А мне на это плевать. С какой стати давно умершие предки должны влиять на мои взгляды?

– Роберт, я, наконец, не могу бесконечно терпеть твое хамство!

– А никто и не заставляет. Я тебя сюда не звал. И вообще – ваше время вышло. Аудиенция окончена.

3

Генрих встретил Артура у подъезда своего дома.

– Ну как впечатление?

– Жуть…Я говорил с Робертом, это какой-то кошмар. В обеспеченной, демократической стране… Когда это началось?

– Ты имеешь в виду ассистентов?

– Да.

– Первые появились на той же неделе, что и Туман. Центр города эвакуировали во вторник, а в пятницу они уже расхаживали по городу в своей униформе. Где они ее только берут?

– Ты думаешь, это как-то связано с Туманом?

– Разве о Тумане можно что-нибудь сказать определенно? Сегодня соберутся друзья, послушаешь их мнения по этому поводу.

– Кто придет?

– Доктор Кромвальд, майор Грэбс, Альберт, он теперь директор гимназии, Карл, Петер. Идем, они скоро начнут собираться.

Первым пришли Кромвальд и Альберт Хольд, за ними Карл и Петер. Пока все здоровались с Белановым и рассаживались, появился майор.

– Я вижу, все уже в сборе, – воскликнул он, входя. – О,

кого я вижу! Артур! Здравствуй, здравствуй! Какая нелегкая занесла тебя в нашу проклятую богом дыру?

– Если мне не изменяет память, прежде это был второй город Республики.

– Помяни мое слово, здесь скоро вообще никакого города не останется, один серый кисель! Ведь так, доктор?

– Я бы не был столь категоричен, – развел руками Кромвальд. – Впрочем… Я только что с ученого совета…

– Да-да, расскажите, доктор, – сказал Артур. – Мне, как свежему человеку, это особенно интересно.

– Нам, как живущим третий месяц рядом с этим… – Карл сделал брезгливо-неопределенный жест в сторону окна, откуда, впрочем, Туман не был виден, – все это не менее интересно.

– Да, собственно, и рассказывать нечего. Мы знаем о Тумане не больше, чем в первые дни. Ну, знаем его форму, объем, примерную динамику роста – кстати, в последнее время он растет несколько быстрее. Знаем, что над ним можно безопасно летать, что он ничего необычного не излучает. Мы даже не знаем, что это за агрегатная среда. Сначала думали – аэрозоль, но он не рассеивается и не реагирует на ветер. Твердое тело или, что более вероятно, очень вязкая жидкость? Но почему материальные предметы проваливаются в него без сопротивления? Его совершенно невозможно исследовать. Его ничем нельзя просветить. Длинные волны его огибают, короткие в нем вязнут. Кое-что отражается, но

это ничего не дает. Я уже говорил, сам он не излучает, в первые дни были сильные электромагнитные всплески, а сейчас ничего. Пробовали опускать в него приборы, брать пробы… Доставали обрывки тросов. Один вроде бы пережженные, другие просто рассыпаются в прах – разрушена кристаллическая структура, а чем разрушена – черт его знает. Факт заключается в том, что ничто, помещенное туда, обратно не вернулось. Однажды заявились к нам добровольцы, говорят, Туман – это иной разум, мы идем устанавливать контакт. Им, конечно, запретил, они как-то пролезли… Ни один не вернулся, естественно. Лично у меня сложилось впечатление, что Туман просто не дает себя исследовать.

– И какие же гипотезы у современной науки? – спросил Генрих.

– Разные, да что в них толку? Некоторые придерживаются первоначальной версии об атмосферной аномалии, вызванной экологическим кризисом. Но, по-моему, Туман слишком сложное явление, чтобы вылепиться из атмосферных осадков. Это все-таки не кислотный дождь. Другие считают Туман формой жизни, правда, сильно расходятся в оценке степени ее организации, и опять неясно, откуда она взялась. Говорят и о космической экспансии…

– И что вы об этом думаете? – поинтересовался Петер.

– Во-первых, я всю жизнь не верил во все эти тарелочки, зеленых человечков и тэ дэ. Как физик, я не знаю разумной альтернативы специальной теории относительности, я имею

доказательства, что скорость света – предел для скоростей, и не имею опровержений этому постулату. А уже одно это делает межзвездные путешествия практически невозможными и бессмысленными. А во-вторых, если бы иной разум хотел нас уничтожить, он не стал бы избирать столь заумный путь. Достаточно сбросить пару атомных бомб на русских и американцев, и мы сами перебьем друг друга. А тут – Туман, явление единичное и локальное…

– Это, кстати, не факт, – заметил Петер. – Единичный случай в цивилизованных странах. А кто поручится за амазонскую сельву, африканские пустыни, Гималаи, океан, наконец?

– Как раз за это поручиться можно. Мы живем в век спутников, каждый метр земной поверхности просматривается, а после появления Тумана – просматривается особенно тщательно. Сейчас можно сказать с уверенностью: Туман – уникальное явление.

– Национальная достопримечательность, – усмехнулся Артур. – Кстати, доктор, как скоро эта достопримечательность выйдет за национальные границы и начнет кушать Европу?

– О, на этот счет нет смысла беспокоиться. Если, конечно, скорость роста Тумана не возрастет, то у нашей старушки Европы есть все шансы дотянуть до двадцать третьего столетия, а последний клочок суши – это, кстати, будет малоизвестный островок на юго-востоке от Новой Зеландии – Ту-

ман поглотит только через семнадцать веков. Вот, кстати, существенный аргумент против экспансии: больно уж затянутая операция.

– А какой же версии придерживаетесь вы? – спросил майор.

– Мне кажется интересной гипотеза о вырождении материи или пространства. В области, воспринимаемой нами как Туман, вообще нет вещества в привычном понимании. Известные структурные этажи – молекулы, атомы, элементарные частицы, может быть, и кварки – разрушены, связывающие их четыре фундаментальных взаимодействия – не работают или страшно искажены. Возможно, там действуют иные физические законы, по иному течет время… Не исключено, что Туман – колоссальный запас энергии. Правда, если она самопроизвольно высвободится – от Земли останется немного.

– Значит, реальная опасность все-таки существует? – спросил Карл.

– Я же говорил, в отношении Тумана ничего нельзя сказать. Пока единственная реальная опасность – это то, что он поглотит наш город через два года. Естественно, если мы никак не сможем замедлить его рост.

– А что думает по поводу Тумана наш доблестный генерал Граубер? – обратился Генрих к Грэбсу. – Если это, конечно, не военная тайна.

Майор пожал плечами.

– Кое-что и тайна, конечно… Кое-что я могу вам сообщить – конфиденциально, разумеется. В штабе еще не оставили мысль о том, что это – агрессия. Земная или внеземная – впрочем, военные тоже мало верят в космическое нашествие. Но в общем-то генерал Граубер рассматривает Туман с узкопрофессиональных позиций – как противника, против которого он по приказу сверху готов в любое время применить любое оружие. Вообще говоря, сам он ничего не решает, армия, как вы знаете, – структура иерархическая: генерал Граубер смотрит на министра обороны, министр на Президента, Президент, в кои веки раз – на науку, а наука, в лице нашего досточтимого доктора Кромвальда, разводит руками. И вот этот жест спускается по всем ступеням армейской иерархии вплоть до вашего покорного слуги, которому и остается повторить его перед вами. – И майор развел руками точь-в-точь как доктор Кромвальд.

– Насколько я понял, – задумчиво произнес Кромвальд, – «любое Оружие» означает вплоть до ядерного?

Грэбс энергично загородился обеими руками:

– Я ничего подобного не говорил!

– Разумеется, не говорили, майор… Но кое-кто из военных мне уже намекал на это частным образом. Я ответил ему и повторяю вам, с тем чтобы вы намекнули Грауберу: чем бы Туман ни оказался, этого делать нельзя ни в коем случае. Даже если Туман имеет вполне тривиальное объяснение, взрыв, скорее всего, не уничтожит его, а раскидает его частицы, ко-

торые могут стать зародышами новых туманов, по всей Европе. А если Туман – действительно область вырожденного или иного неадекватного пространства, последствия могут быть самыми немыслимыми. Ну, например, взрыв вашей бомбы произойдет в столице или где-нибудь в Нью-Йорке. Или послужит детонатором для высвобождения энергии Тумана, о которой я уже говорил. А может быть, бомба ухнет туда, как все прочие предметы, и никаких следов.

– Вы, очевидно, правы… Но не можем же мы сидеть сложа руки! – взорвался вдруг Грэбс. – Мы, в конце концов, вояки, наше дело – выполнять приказы. Но вы, ученые! Вы относитесь к Туману так, словно это вещество, синтезированное в вашей пробирке! Вещество, конечно, очень интересное с теоретической точки зрения, на нем можно сделать диссертацию, его любопытно понаблюдать под микроскопом, а потом заткнуть пробирку пробкой, выпить горячего чая и отправиться спать!

– Та-а-ак, – протянул доктор, медленно поворачиваясь к майору. – И что вы нам предлагаете?

– Действуйте, в конце концов! Положим, вы не знаете и не можете узнать, что такое Туман. У вас нет научно обоснованной концепции борьбы с ним. Но экспериментируйте! Обстреляйте его лазером, облучите рентгеном…

– Вы не учитываете одного, милейший майор. Если мы ничего не будем делать, мир просуществует еще многие столетия, а в результате предлагаемых вами поспешных экспе-

риментов может взлететь на воздух в несколько секунд!

– Господи, о чем вы говорите! – воскликнул вдруг Альберт, за весь вечер не произнесший ни слова. – Ядерное оружие, рентген, лазеры… Как будто не ясно, что Туман – средство психического воздействия!

– Психического? – переспросил Кромвальд. – Как это понимать?

– Я не знаю, кто и как создал Туман, – ответил Хольд, – но я знаю, зачем. Туман не взорвется и не уничтожит нашу материю. Это оружие, но направлено оно не против нас.

– Не против нас? – удивился Артур. – Но против кого же?

– Против нашего будущего! Против наших детей. Вы же видите, что он сделал с нашими детьми! У нас были хиппи, панки, рокеры, но такого не было никогда.

– Ну почему, – возразил Карл, – мне это весьма напоминает гитлерюгенд.

– Это чисто внешнее сходство! Во-первых, они вне политики. Они считают, что всякая политика – грязь. Они не интересуются национальным вопросом. Более того, они борются с развратом и наркотиками и выглядят даже конструктивной силой. Но это деструктивная сила! У них один общий враг! Это мы, наше поколение, наш мир! Где вы видели такое количество детей, столь последовательно настроенных против родителей? Не против евреев! Не против коммунистов или буржуазии! Не против своих сверстников – панков или хиппи! Это все действительно уже было, и это хоть и сквер-

но, но понятно, объяснимо. Но против старшего поколения, независимо от идеологии и национальности! Конечно, подростковые комплексы, молодежные проблемы… но не до такой же степени! Теперь скажите: неужели это возможно само собой? Неужели за этим не стоит Некто, готовящий из наших детей штурмовиков против нас?

– Ну вот, опять Некто, – поморщился Карл, – опять абстрактная угроза. А кто этот Некто? Иностранные спецслужбы? Пришельцы из космоса? Из другого измерения? Все эти наши разговоры гроша ломаного не стоят. Мы не имеем ни малейшего понятия даже о том, имеем ли мы дело с живой или мертвой природой, а рассуждаем о планах и психологии Тумана.

– Сам-то ты что предлагаешь? – спросил Беланов.

– Ничего я не предлагаю, Артур. Я, в конце концов, не ученый и не политик, я скромный муниципальный служащий. По-моему, раз уж мы ничего не можем с ним поделать, надо срочно эвакуировать город, обнести его колючей проволокой и жить так, как будто ничего не случилось.

– Но ведь случилось же, Карл!

– Ты меня не понял. Ученые пусть исследуют, пусть изучают. В конце концов, он растет, и это вынуждает нас действовать. Но всем остальным не должно быть до этого дела! Мы ничего не можем изменить, так незачем трепать нервы себе и окружающим. После эвакуации города я поместил бы во всех газетах интервью с крупнейшими учеными и протоколы ко-

миссий по тему: «Туман перестал расти». Это будет ложь, но это будет ложь во спасение. Миллиарды людей во всем мире вздохнут с облегчением и вернутся к привычным занятиям. В конце концов, какая польза от того, что они будут сходить с ума, спиваться, кончать самоубийством? Это не остановит Туман. Мы, черт возьми, не заслужили, не должны нести ответственность за этот чертов серый кисель!

– Кстати, об ответственности, – вмешался Петер. – Вы знаете, мне, как врачу, приходится сталкиваться с весьма разнообразными концепциями моих пациентов. Сейчас, когда у всех на уме Туман, попадаются очень интересные. Один пациент высказал теорию, что Туман, мол – это материализованное абстрактное зло.

– Не понял, – переспросил Кромвальд.

– На протяжении многих тысячелетий люди совершали дурные поступки, и количество зла в мире возрастало. Наконец в двадцатом веке, за который было совершено зла больше, чем за всю предыдущую историю, был достигнут некий критический порог… или критическая масса… и зло из категории идеальной, не существующей вне нашего сознания, перешло в категорию материальную. Изучать Туман бесполезно, это все равно что анатомировать дьявола или пытаться понять, почему привидения не падают на землю под действием силы тяжести. Пока мировое зло увеличивается, Туман растет.

– А почему он возник именно у нас? В старой доброй де-

мократической Европе… – произнес Артур.

– Демократия тут не имеет значения. Просто у нас был совершен тот последний злой поступок, после которого критический порог был превзойден. Какой-нибудь мальчишка кинул камнем в кошку, а в результате мы имеем Туман.

– Он действительно сумасшедший, этот ваш пациент? – спросил Генрих.

– Что значит «сумасшедший»… Люди, далекие от психиатрии, обычно представляют себе психически больных в виде двух категорий: идиот, который сидит на полу и булькает, воображая себя чайником, и маньяк, совершающий зверские изнасилования. На самом деле все куда многообразнее… Да, этот человек серьезно болен, но он умен и с ним бывает интересно побеседовать.

– А сами вы что думаете? – спросил Артур.

– Не знаю, – пожал плечами Петер. – Что бы это ни было, это далеко от моей специальности. Нет никаких оснований считать Туман массовой галлюцинацией. Говорят о нем все что угодно, и объяснения дают разные, от космических пришельцев до кары небесной. В последнее не верю, ибо атеист, а что до первого, то почему бы нет? Я не столь категоричен, как доктор Кромвальд. Межзвездные полеты нецелесообразны? Так это с нашей точки зрения. Инопланетная логика может совершенно не походить на нашу. Обычный представитель вида homo sapiens, полностью принадлежащий к нашей культуре, в результате ничтожной аномалии в мозгу стано-

вится нам совершенно непонятен. Что такое сумасшедший, не с медицинской, а с философской точки зрения? Это человек, рассуждающий по иным, нежели мы, законам. Строго говоря, мы не можем судить, правильны эти законы или нет. Мы знаем только, что они ненормальны, то есть не такие, как у абсолютного большинства и в наших условиях не годятся для жизни. Но почему не допустить, что где-то есть мир, в котором именно эти законы обеспечивают выживание? Да и вообще, восприятие чего-нибудь как ненормального может вытекать из нашей отсталости. Я уверен, что в восемнадцатом веке Эйнштейна с его теорией относительности наверняка упрятали бы в желтый дом.

– Не понимаю, как можно быть психиатром с такими воззрениями, – усмехнулся Карл.

– Ну, не следует впадать в другую крайность и считать всех сумасшедших непризнанными гениями. Болезнь есть болезнь, и больному не легче, если где-нибудь его патология является нормой. Когда у человека температура поднимается до сорока, его надо срочно лечить, хотя для птиц эта температура нормальная.

В этот момент раздался телефонный звонок. Генрих снял трубку и с удивлением передал ее майору. Тот с минуту слушал с нахмуренным лицом, потом сказал «Есть!» и положил трубку.

– Сожалею, господа, но вынужден вас покинуть. Приказ срочно явиться в штаб.

– Что там стряслось? – недовольно пробурчал Карл.

– Не знаю, а если бы и знал, вряд ли имел бы право сказать.

– Послушайте, майор, как они вас нашли? – спросил Генрих.

– Служба! Я обязан сообщать им, куда отлучаюсь.

Едва Грэбс вышел, телефон снова зазвонил.

– Это меня, – сказал Кромвальд. – Я тоже информировал, куда иду…

Доктор говорил по телефону несколько дольше майора.

– Да!.. Вы уверены?.. Когда началось?! И сколько?! Что значит «не телефонный разговор»?! Вы понимаете, чем это может кончиться? Да! Конечно, еду!!

Кромвальд вскочил. От его благодушного спокойствия не осталось и следа.

– Туман! С ним что-то происходит. Приборы как взбесились. Советую всем отправляться по домам, собирать вещи и слушать радио. Возможна срочная эвакуация.

4

Артур и Генрих сидели у окна, не зажигая света. На улице темнело. Три только что собранных чемодана стояли на полу. По радио передавали легкую музыку. Неожиданно глухой треск прервал передачу. «Внимание! – донеслось сквозь помехи. – Экстренное сообщение Исследовательского Центра…» Долгий треск. «…отмечено…» Свист, шипение. «…продолжает повышаться…» Приемник смолк. Беланов вскочил, как ужаленный.

– Господи! Какой же я идиот!

– Что случилось? – испугался Генрих.

– Эльза! Роберт! Они же в трехстах метрах оттуда! Их же не предупредили!

Вскочил и Генрих:

– Быстрее в машину! Мы еще успеем!

– Бери чемоданы! Вряд ли нам придется вернуться.

Они бросились вниз по ступенькам. Едва они сели в автомобиль, ослепительная молния сверкнула над центром города. Удар грома расколол воздух.

– Часто здесь такое? – спросил Артур.

– Было только на первой неделе. Уже три месяца ничего подобного. Действительно что-то творится!

Да, творилось что-то неладное. Моросящий дождь усиливался с каждой минутой и перешел в настоящий ливень. Над

центром полыхали лиловые зарницы. Генрих гнал машину на полной скорости. Вдруг впереди в лучах фар метнулась какая-то тень. Генрих резко затормозил. Из пелены дождя выскочил человек с рюкзаком за плечами и упал на капот. Убедившись, что машина не пытается уехать, он бросился к правой передней дверце.

– Вы едете из города?! Из города?!!

Только совершенно обезумевший человек мог задать такой вопрос: ведь машина направлялась к центру.

– Возьмите меня с собой!

– К сожалению, мы едем в центр, – ответил Артур.

– Нет!!! Только не туда! Там катастрофа! Возьмите меня, я заплачу! – человек сделал движение снова лечь на капот, потом метнулся обратно к дверце.

– Мы едем в центр и очень спешим. И, кстати, не понимаем вашего волнения: вы первый, кого мы встретили, все сидят по домам.

– Они не знают! Не знают!!! Я сотрудник Исследовательского Центра! У меня нет машины! Там что-то невероятное! Наука с таким не сталкивалась! Помогите мне спастись! Я дам деньги, много денег! – Он судорожно стал шарить в карманах.

– У нас нет времени. Если вы согласны ехать в центр, садитесь.

– Нет! Из города! Вы же не знаете! Я дам вам все деньги! – он совал в окно мятые ассигнации. Артур оттолкнул его

руку. Генрих дал газ. Сотрудник Центра остался на месте, с бессмысленным видом протягивая вслед машине купюры, сразу размокшие под дождем.

Этот человек оказался первой ласточкой. Вскоре еще несколько попытались броситься под колеса. Генрих объехал их, не останавливаясь.

– Быстрее! – подгонял его Артур. Он испытывал все больший страх за Эльзу и Роберта.

Навстречу им проносились автомобили. Воя сиреной, пролетел полицейский «мерседес». Следом за ним мчалась длинная черная машина. За бронированными стеклами мелькнуло белое лицо бургомистра. Чем ближе к центру, тем больше было людей на улице, так что ехать становилось все труднее. Уже недалеко от дома Эльзы дорогу им преградил военный грузовик. Артур выскочил из машины. Навстречу ему уже бежал офицер, размахивая не то жезлом, не то дубинкой.

– Вам что, жить надоело? – закричал он на Артура. – Поворачивай, поворачивай! – он махнул жезлом-дубинкой в сторону, противоположную центру, и побежал дальше.

– Артур, в машину! – крикнул Генрих, перекрывая вой сирен. – Объедем кругом!

Из кузова грузовика посыпались солдаты и принялись перегораживать улицу железными турникетами. Машина свернула в переулок. Там не горел ни один фонарь. Люди в полной темноте выбегали из подъездов, волоча за собой чемо-

даны, сумки, тюки. На следующей улице образовался затор. Несколько автомобилей, столкнувшись, создали пробку, задерживая десятки других. Воздух дрожал от разноголосых гудков. На улицу вылетел военный джип, забрызганный грязью так, что с трудом различались маскировочные разводы.

– Всем очистить улицу! – заорал резкий мегафонный голос. – Тем, кто не может уехать, выйти из машин! Идет танковая колонна!

Взревели двигатели, автомобили попятились задним ходом. Не могли уехать только виновники пробки. Несмотря на отчаянное сопротивление, их вытащили из машин солдаты. Послышался нарастающий рев и лязг. Сплющивая и корежа корпуса оставшихся автомобилей, кроша траками асфальт, прошли танки. Генрих вывел машину из переулка и поехал вниз по улице, надеясь найти другой путь к центру. Но все улицы были или запружены толпой, или заняты военными. По одной из них в сопровождении полицейских машин тащилась колонна переполненных автобусов – очевидно, шла эвакуация. Мигалки меркли в сверкании молний, раскаты грома заглушали рев двигателей. Наконец Генриху удалось выехать на улицу, где жила Эльза. Толпа, валившая навстречу, сделала совершенно невозможным продвижение вперед. Еле удалось загнать машину в какую-то подворотню. Артур выскочил из автомобиля и принялся пробиваться сквозь толпу. Безногий инвалид, которому в давке сломали костыли, сидел у стены на тротуаре и умолял прохожих взять

его с собой. Он хватал их за ноги, за чемоданы, а они вырывались, отпихивались, ругались и шли дальше. Какой-то долговязый человек стоял посреди улицы на коленях, лицом в сторону Тумана, и громко читал благодарственную молитву. Об него спотыкались, его пинали, толкали, а он все молился, стараясь перекричать раскаты грома.

На то, чтобы преодолеть триста метров, у Артура ушло минут двадцать. Затем толпа стала быстро редеть, и вскоре он остался на улице один. Мимо, разбрызгивая сапогами лужи, пробежало несколько солдат. Один из них обернулся и что-то крикнул Беланову. Тот не расслышал слов, но смысл, видимо, был: «Куда прешь, придурок!» Эти слова словно подстегнули уставшего в борьбе с толпой Артура, и он побежал. Он понимал, что это совершенно бессмысленно: хотя он и не видел Эльзу и Роберта в толпе, они наверняка уже ушли или были эвакуированы. Тем не менее, он все бежал, бежал сквозь ливень мимо пустых домов, пока не достиг нужного. У самого подъезда навстречу ему промчалась кошка – пронеслась пулей, словно за ней гнался бульдог. Было что-то противоестественное в этом зрелище. «Кошки же терпеть не могут воды, – понял Беланов. – А эта даже не пытается спрятаться в какой-нибудь подворотне». Нет, не бульдог гнал ее сквозь дождь по улице. Страх, иррациональный панический ужас, свойственный животным в моменты катастроф.

Из подъезда дома выбежал офицер, на ходу застегивая

плащ, и дико уставился на Беланова:

– Куда вас несет, черт подери?!

– В доме кто-нибудь есть?

– Никого, кроме одной ненормальной. Э, да вы хотите составить ей компанию? Господи, сплошные психи! Бар-рдак!

Но Артур уже поднимался бегом по лестнице. Вот и квартира. Дверь распахнута, света нет. Значит, ушли. На всякий случай он шагнул внутрь. Послышались торопливые шаги.

– Роберт?!

В проеме дверей комнаты возник темный силуэт Эльзы. За ней тускло мерцало темно-багровое зарево.

– Эльза! Господи! Ты с ума сошла! Ты что, не видишь, что делается?! Ты собрала вещи? Быстрее, Генрих ждет в машине!

– Это ты, Артур… Вы напрасно приехали. Я никуда не пойду, пока не дождусь Роберта.

– Он что, ушел?

– Примерно за час до того, как все это началось.

– Идем скорее. Он вряд ли сюда вернется. На всякий случай оставим записку.

– Свет погас полчаса назад. Как же он найдет записку? Правда, это светит все ярче…

– Что это?

– Туман. Ты разве не видишь?

Теперь Артур обратил внимание на источник багрового света и подошел к окну. Туман совершенно преобразил-

ся. Он утратил свою однородность. Медленно шевелящиеся клубы полыхали изнутри багровым светом. Теперь Туман походил на дым пожара или замедленный в тысячи раз взрыв. Иногда внутри проносились смутные тени, словно адские привидения бросались друг на друга. Воздух непрерывно вспарывали молнии. Над Туманом росло бесформенное лиловое зарево.

– Господи… – прошептал Беланов и обернулся к Эльзе:

– Скорее! Дорога каждая минута!

– Но Роберт…

Артур быстрыми шагами пересек комнату и остановился у двери Роберта. Она оказалась не заперта.

– Он не вернется сюда, Эльза.

Даже в тусклом багровом свете видно было, что у комнаты нежилой вид. Ни одной вещи, нужной хозяину. Гостиничный номер, покинутый постояльцем.

– Идем. Может быть, встретим его на улице.

Он взял ее чемоданы. Она больше не противилась, взяла зонт и шагнула за Артуром в темноту лестничной клетки.

На улице несколько солдат устанавливали крупнокалиберное орудие. Грозная пушка казалась ничтожной игрушкой на фоне гигантских багровых клубов Тумана. По-прежнему хлестал ливень. Артур и Эльза подошли к подворотне, где осталась машина. Войдя под арку, они обнаружили там одного Генриха, сидевшего на чемоданах.

– А где же автомобиль? – воскликнул Артур.

– Так получилось, – виновато ответил Генрих. – Их было человек двадцать, и всем нужна была машина. Я еле успел вытащить наши вещи.

– Что же делать? – прошептала Эльза. По лицу ее текли не то слезы, не то капли дождя.

– Только без паники! – воскликнул Беланов. – Из любой ситуации есть выход. Даже целых два. Вариант «а»: подняться в какую-нибудь квартиру, сидеть и ждать, что будет. Вариант «б»: идти из города пешком. Лично я за второе. Покорное бездеятельное ожидание меня не устраивает.

– Неизвестно, можно ли теперь выйти, – возразил Генрих. – В центре города остались одни военные, все оцеплено и перегорожено. Может быть, уже отдан приказ никого не выпускать.

– Смотрите, вон человек идет! – сказала Эльза, выглянув из подворотни. – Давайте у него спросим.

– Военный? – поинтересовался Генрих.

– Нет, не военный, – ответил Артур, подойдя к Эльзе. – И вообще… странный какой-то.

Человек был действительно странный. Он брел по середине мостовой, худой, долговязый и нескладный. Собственно, в этом еще ничего странного не было. Однако, во-первых, он шел под проливным дождем без плаща или зонта. Во-вторых, шел он не в сторону окраины, а прямо по направлению к Туману. Артуру пришлось набраться решимости, прежде чем окликнуть его.

Незнакомец обернулся и подошел к ним. Очередная вспышка молнии вырвала из темноты его лицо, и Артур узнал его. Это был тот самый человек, что молился посреди улицы.

– Скажите, – спросил Артур, – вы идете оттуда, верно ли, что там оцепление?

– Оцепление? – удивленно переспросил незнакомец охрипшим голосом. – Да, там, кажется, есть оцепление. А что?

– Как – что? Значит, отсюда нельзя уйти?

– Уйти? Вы тоже хотите уйти? Тогда почему вы еще здесь? Я-то думал, вы тоже поняли…

– Что – поняли? Что мы должны были понять?! – почти крикнула Эльза. Ее била дрожь.

– То, что уйти отсюда – невозможно. На наших глазах сбывается Апокалипсис.

– Апокалипсис? Конец света? – переспросил Беланов.

– Так вы атеисты, – произнес незнакомец с сожалением. – Вы не знаете, что предрекает Апокалипсис. Не конец света, а конец тьмы. Побежден будет дьявол, и низвержен. Погибнут нечестивые, принявшие знак его на чело и на руку, и прочие, погрязшие во грехе. Но спасутся праведные, чьи имена записаны в книге Агнца, и настанет царство Божие.

– И почему вы думаете, что это произойдет сейчас? – осведомился Артур.

– Не сейчас, но вскоре. Ибо уже вышел дым из кладезя

бездны, и выйдет из дыма железная саранча Авадонны, и будет вредить людям пять месяцев…

– И вы туда идете? – перебил Беланов.

– То, что происходит, происходит по воле Господа, и надо принимать это с благодарностью. Храмы закрыты, а в некоторых, грешно сказать, расположились военные. Я иду в Собор.

– Собор?! Он же на Дворцовой площади, в самом сердце Тумана! – воскликнул Генрих.

– Вот именно, – ответил незнакомец и снова вышел под дождь. – И призываю вас последовать за мной, пока не поздно.

– Нет уж, мы поищем другого спасения, – пробормотал Беланов. – С-сумасшедший! – добавил он с брезгливостью, когда неизвестный скрылся.

– Нет, такая позиция тоже по-своему логична, – возразил Генрих. – Разве мы, со всей нашей наукой, знаем, что там происходит на самом деле? А если нет – какое у нас право объявлять других психами? Но, однако, что нам делать, если там действительно оцепление?

– Оцепление – для того, чтобы никого не впускать, – ответил Артур. – Почему они должны нас не выпустить?

– Сколько можно стоять и рассуждать?! – взорвалась вдруг Эльза. – Идемте же, наконец, хоть куда-нибудь!

Они вышли из подворотни и быстро пошли вниз по улице. Теперь им часто попадались военные, сотрудники Цен-

тра в блестящих белых комбинезонах, тащившие и устанавливавшие какую-то аппаратуру, и даже простые горожане, которых почему-то не захватила первая волна паники. Пробежал в сторону Тумана человек с видеокамерой. По тротуару навстречу прошел седой благообразный господин с сигарой в зубах. В одной руке он держал зонт, другой опирался на трость.

– Вот человек, – пробормотал Генрих, – вокруг конец света, а он совершает себе вечерний моцион, словно ничего не случилось.

– Стойте! – воскликнул Артур и сам остановился. – Я знаю, что делать.

– Что? – осведомилась Эльза без особого интереса.

– Надо позвонить Грэбсу! Сейчас в городе распоряжаются военные. Это единственный человек, способный вытащить нас отсюда.

– И куда ты намерен звонить? – поинтересовался Генрих, опуская чемодан на мостовую. – Ты знаешь телефон штаба?

– Для начала… ну хотя бы в магистратуру.

– А если там уже никого нет?

– Подождите! – прервала их Эльза. – Дождь…

Ливня уже не было. Не было и мелкого моросящего дождя последних месяцев: падали крупные капли, становясь с каждой секундой все реже. Словно кто-то в небесах заворачивал кран душа.

– Такое уже было? – хрипло спросил Беланов.

– Нет, – ответил Генрих. – Дождь кончается, и… и я бы дорого дал, чтобы он продолжался.

Все трое обернулись назад, где в конце улицы светились два зарева: внизу – тускло-багровое Тумана, вверху – ярко-лиловое неизвестного происхождения. Упали последние капли. Они были теплые, значительно более теплые, чем полагается быть дождевым каплям. Зарево над Туманом сверкнуло ослепительно. Порыв горячего ветра промчался по улицам, стряхивая брызги с деревьев, волоча по мостовой размокший мусор. Ветер вырвал зонт из рук Эльзы и покатил его по улице. Никто не двинулся с места. Лиловое зарево разгоралось. Пронесся новый порыв ветра, еще резче и горячей первого. С грохотом захлопали незакрытые окна, посыпалось разбитое стекло. Сверкали гигантские молнии – теперь было видно, что все они бьют прямо в Туман. Эльза медленно опустилась на чемоданы. Зарево становилось все ярче.

– Неужели… это… конец? – прошептал Генрих.

Туман взорвался.

Никто не успел шевельнуться. Багровое зарево вспыхнуло, точно стремясь догнать лиловое. Туман стал быстро расти и лопнул, разметавшись клубящимися багровыми щупальцами, которые ринулись в улицы и переулки прямо на оцепеневших от ужаса людей – и вдруг бесследно растаяли. Лиловое зарево как-то сразу потускнело, съежилось, но в свете его было явственно видно, что скрывал в себе Туман.

5

С такого расстояния, на котором находились Артур, Генрих и Эльза, нельзя было разобрать детали, но отчетливо было видно, что центр города застроен странными блестящими конструкциями, похожими на набор геометрических фигур из школьного кабинета математики, вокруг которых шло непрестанное движение. Стремительно и беззвучно на высоте черепичных крыш пронеслись странные тела, подобные граненым каплям размером с грузовой вертолет. Со всех сторон выли сирены, по небу шарили прожектора, где-то ударила пулеметная очередь. Артур опомнился первым. Он схватил за руки Эльзу и Генриха и буквально силой увлек их в ближайший подъезд. Остановились они только на площадке второго этажа, не сразу сообразив, что чемоданы остались на улице. Артур хотел уже бежать за ними, но в это время послышался топот множества шагавших в ногу людей, приближавшихся со стороны центра. Все трое прильнули к окну.

По улице шла неведомая армия. В том, что это была армия, не могло быть сомнений – штатские так не ходят. Строевой выучке пришельцев могла бы позавидовать любая воинская часть Республики. Они шли идеально правильной колонной по десять бойцов в ряд. Казалось, им нет конца. Все они были облачены в блестящие доспехи, отливавшие лиловым в сверкании молний. Их лица скрывали яйцевидные

зеркальные шлемы. За плечами у каждого торчал ствол неизвестного оружия.

Неожиданно Эльза схватила Беланова за руку.

– Артур! Боже! Эмблемы!

Беланов вгляделся. На левой стороне груди каждого из пришельцев красовался знак: в черном овале белая буква М.

В этот момент, повинуясь неслышной команде, вся колонна остановилась. Навстречу ей по улице шли танки Республиканской Армии. Над колонной замерла граненая капля, из нижней части ее выдвинулись три иглообразных отростка.

– Отойдите от окна! – крикнул Артур. – Быстрее в квартиру!

Но не успели они сдвинуться с места, как прогремел взрыв. Это выстрелил передний танк, а сорвавшийся с одного из отростков луч уничтожил снаряд прямо в воздухе. Взрывной волной вышибло стекла в окне, один из осколков врезался в стену над головой Генриха. В тот же миг три луча ударили в ближайшие танки. Ослепительный свет залил все вокруг. Когда Беланов и его спутники вновь обрели способность видеть, танков уже не было. На месте их осталось три неправильной формы ямы, заполненные еще ярко светящимся расплавленным металлом. Боевая машина пришельцев протянула к ним членистое щупальце, и свет померк. Металл моментально остыл. Ревя двигателями, уцелевшие танки удирали на полной скорости. Печатая шаг, колонна продолжила путь.

Артур, Эльза и Генрих спрятались в пустой квартире. За стенами гремели далекие взрывы – армия пыталась оказать сопротивление. Электричества не было. Неожиданно, перекрывая шум боя, зазвучал Голос. Голос был, несомненно, человеческий, хотя трудно было представить, что человеческий голос может звучать столь внушительно. Он гремел над городом, разносился по улицам, дробился эхом в переулках. Невозможно было указать его источник: казалось, он шел отовсюду.

– Жители города! Граждане Республики! К вам обращается командующий Миссией Градон Брог. Мы прибыли из будущего. Цель нашей Миссии – поставить человечество на правильный путь и дать ему силу и знания нашей эпохи. Таким образом, прогресс цивилизации ускорится на несколько столетий, отделяющих ваш мир от нашего. Как видите, мы руководствуемся благими целями. Ваш город – это пробный плацдарм, после освоения которого мы высадимся на всех континентах и начнем глобальную перестройку человечества, дабы привести его к процветанию. Не препятствуйте нам, и мы не причиним вам вреда. Всякое сопротивление бесполезно. Мы призываем всех военных немедленно сложить оружие. Жители должны вернуться по своим домам. Город окружен защитным экраном, и покинуть его или вступить в контакт с внешним миром невозможно. В двухдневный срок все оружие должно быть сдано. Все жители должны иметь при себе документы. Выпуск прессы, радио– и телепе-

редачи временно запрещаются. Все должностные лица должны в тридцатичасовой срок подготовить дела к передаче. Соблюдайте порядок и спокойствие. Помните, что наши цели гуманны. Через час будет включена электроэнергия. Повторяю: жители города!..

И многое еще было в ту жуткую ночь. Где-то щелкали выстрелы тех, что решили сопротивляться до конца; где-то полыхали брошенные дома, которые некому было тушить; с окраин возвращались беженцы, не успевшие покинуть город и уткнувшиеся в непроходимую серую преграду; вдоль стен бочком пробирались горожане, возвращавшиеся, согласно приказу новой власти, по домам – были среди них и Артур, Генрих и Эльза; и до утра еще взревывали сирены, заводские и автомобильные гудки, и суетились военные, растерянные и жалкие, и сновали возле бронированных пришельцев какие-то отважные люди, не то репортеры запрещенных газет, не то просто любители острых ощущений, а к утру город затих, словно вымер, спрятался за стенами домов, такими прочными вчера и такими ненадежными сегодня.

А когда рассвело, люди увидели, что небо над городом попрежнему низкое и серое, без единого просвета.

Но это уже не были тучи.

Это была серая пелена Тумана.

6

В этот день, Первый День Новой Эры, в квартире у Генриха вновь стали собираться старые знакомые. Артур ввалился около полудня; Генрих, не видевший его с ночи, когда Беланов ушел провожать свою бывшую жену, засыпал друга вопросами.

– Ничего я не знаю, – сказал Артур. – Пока вроде все спокойно… Эльза все надеется, что вернется Роберт. Ни шиша он не вернется. В городе не осталось молодежи. То есть, как я понял, шпана всякая, пьянь, наркоманы остались, а ассистенты все исчезли. Впрочем, может, они в центре… Центр города обнесен заграждениями, новые хозяева туда никого не пускают. А сейчас я спать хочу… Голова раскалывается.

Спал он, однако, недолго: до четырех часов. В это время в квартире появился Карл.

– Честь имею, господа, – объявил он с порога, – здравствуйте, почтенные кролики! Бедные вы, бедные! Играли себе на лужайке, щипали травку, плодились и размножались, решали свои кроличьи проблемы и воображали себя жутко умными и важными. А теперь пришли дяди ученые, которые лучше вас знают, в чем смысл кроличьей жизни. Смысл в том, чтобы стать материалом для опытов! И вы должны дрожать от радости, что ваши жалкие кроличьи жизни будут принесены в жертву интересам человечества!

Артур глядел на него с некоторым недоумением. Генрих подошел к Карлу вплотную и изумленно воскликнул:

– Боже мой! Да ведь ты пьян!

– Это совершенно невозможно, – сказал Артур. – Мы все знаем, что Карл не пьет.

– Да, я пьян, – подтвердил Карл с каким-то особенным удовольствием, – я пьян, как – как? – как сапожник. А почему я не могу напиться? Если весь мир летит в тартарары, если нет больше ни города, ни Республики, если по улицам шляются неродившиеся потомки наших неродившихся потомков и указывают нам, как жить дальше – почему я, спрашивается, не могу тоже плюнуть на здравый смысл и напиться?! Нет, – добавил он вдруг совершенно трезвым голосом, – раньше надо было обо всем думать. Я же говорил: эвакуировать, обнести колючей проволокой, и пусть бы эти завоеватели хозяйничали теперь в пустом городе, а человечество доживало последние дни в мире и покое.

– Оно и так доживает, – возразил Беланов, – город полностью отрезан Туманом от мира, ты что, не знаешь?

– Э-э, нет, – ответил Карл, – беженцы, что успели вырваться отсюда, наверняка наделали шороху.

Дверь хлопнула, и вошел майор Грэбс. Он был в форме, но без погон, и вид у него был растерянный.

– Что это у вас дверь открыта? – спросил он.

– Нам больше нечего бояться, – ответил Генрих.

– По-моему, самое страшное только начинается. Самое

страшное – это неизвестность. Я вот, например, ничего не понимаю. Вчера генерал Граубер принял решение капитулировать перед превосходящими силами противника. Но я до сих пор не вижу желающих принять капитуляцию. Кто я теперь? Офицер Республиканской Армии? Не похоже. Военнопленный? Но меня никто не собирается арестовывать! Я с утра нагло хожу в форме по городу, и на меня просто не обращают внимания! Этим миссионерам просто нет никакого дела до одной из самых боеспособных армий Европы!

– Успокойся, Грэбс, – сказал Карл, – ты просто стал безработным. В этом нет ничего особенного. Забудь, что ты был майором, и радуйся жизни, если можешь.

– Не обращай внимания на Карла, – посоветовал Артур, – он пьян.

Грэбс не нашел в этом ничего удивительного: если уж перестала существовать республиканская армия – значит, в этом мире возможно все.

– Нет, господа, вы просто не в курсе, – втолковывал Карл, – в городе уже висят их листовки. Так вот, они пишут, что войн больше не будет. Настала эра вечного мира. Все оружие массового поражения уничтожат. Останутся одни силы безопасности для поддержания порядка.

Спустя некоторое время текст этой листовки – впрочем, скорее декрета – был оглашен тем же способом, что и первое обращение Командующего Миссией.

– Граждане! – возглашал голос. – Времена бессмыслен-

ных распрей и смуты кончились! Отныне на Земле не будет войн и революций, не будет кризисов. Не будет коррумпированных правительств и политиков, ради собственной мелкой выгоды заигрывающих с толпой. Со временем мы ликвидируем преступность. Мы приведем вас к порядку и благоденствию…

– Нет, господа, как вам это нравится? – кипятился Карл.

– Не могу сказать, что мне нравятся их методы, – сказал Генрих, – но цели их видимо благородные. Да, конечно, их насильственное вторжение неприятно. Но, с другой стороны, мы для них – воинственные дикари, которых можно убедить только силой. А раз уж они – наши потомки, то, заботясь о собственном счастье, они должны позаботиться и о нашем.

– Счастье, как же! – воскликнул Карл. – Вот они ликвидируют войны и преступность. Значит, оставят без работы армию и полицию. Дальше, не дай бог, примутся за болезни и вышвырнут на улицу многомиллионную армию докторов и фармацевтов. Попутно куска хлеба лишатся все, кто занят в военной и медицинской промышленности. Потом наводнят наш мир сверхсовершенными автоматами и оставят без дела уже всех рабочих и инженеров. Я уж не говорю о столь малочисленных группах, как политики, бизнесмены, юристы и тэ дэ. Короче, думая о всеобщем благе, они сделают несчастными всех, кроме кучки бездельников, которые наконец смогут предаться праздности, не боясь ничьих упреков.

– Тебе бы на митингах выступать, – пробурчал Артур. –

Никогда прежде на замечал в тебе тяги к публицистике.

– In vino veritas, – невесело усмехнулся Карл. – А митинги… поздно теперь митинги… Просто я понял сегодня, что был не прав. И все мы были неправы.

– В каком это смысле? – осведомился Беланов.

– В прямом, Артур. Всю жизнь я был обычным обывателем. У меня был свой дом, своя работа, я продвигался по службе, не залезал в долги, платил налоги, ходил на выборы, читал современную литературу, периодически выбирался в театр и считал себя культурным человеком. До всего остального мне не было дела. Когда на Дворцовой площади бушевали митинги, призывавшие бороться с угрозой с Востока или с Запада, запретить коммунистическую партию или вывести из страны американские ракеты, я лишь сетовал на недоумков, которые злоупотребляют нашей демократией и дерут глотки вместо того, чтобы заниматься делом. На смену политическим митингам пришли экологические, а моя позиция не изменилась. Если тебе не нравится правительство, голосуй за оппозицию, зачем же выходить на площадь? Нет, я понимал, что у нас есть важные проблемы. Просто я считал, что каждый должен заниматься своим делом, и тогда все образуется. Одно ведомство занимается экологией, другое занятостью, третье благотворительностью, а у меня своя работа, и мой долг перед обществом – выполнять ее и не лезть в чужие дела. И точно так же рассуждали тысячи, миллионы граждан нашей сытой и свободной Европы. И вот теперь я

спрашиваю себя: почему они выбрали для вторжения именно наше время? Если они такие благодетели, почему они не высадились в начале двадцатого века и не предотвратили того кровавого кошмара, который творился потом? Не потому ли, что тогда человечество пусть было слабее в военном и техническом плане, пусть было раздроблено и одурманено социалистическими идеями, но оно было полно решимости и энергии и готово было дать отпор? А теперь мы такие благополучные, такие спокойные, каждый сам за себя, каждый замкнут в своем мирке, как устрица в раковине, бери и ешь, кто хочет!

– О каком отпоре ты говоришь? – отозвался Грэбс. Он сидел верхом на стуле, положив руки на спинку, а подбородок на руки, и глядел в одну точку. – Сегодня ночью семьдесят человек погибло. Семьдесят идиотов, царство им небесное, потому что лезть на них с нашей техникой – это все равно что переть со шпагой на танк. Глупо, но эти люди не смогли иначе, они были верны присяге и пытались дать… отпор…

– Не об этом речь, – ответил Карл, – не о военном, а о моральном, что ли, отпоре. Тогда пришельцы читали бы в каждом взгляде: вы здесь чужие, мы вас ненавидим, убирайтесь в свое вонючее будущее и оставьте нам наше прекрасное настоящее. А теперь ведь им осанну кричать будут! Второе пришествие во множественном числе! Явились спасители, явились избавители наши от всех проблем насущных! Их из космоса ждали, а они из будущего, наши же потомки, род-

ная кровь, черт подери!

Вошел доктор Кромвальд. Воистину это был день сюрпризов: всегда скептически-спокойное лицо доктора выражало элементарный восторг.

– Господа, это грандиозно! – воскликнул он. – Я был там, у них, в центре за ограждением. Кстати, ассистенты тоже там, в брошенных домах, благоустроенных по последнему слову техники будущего. Так вот, меня пустили туда, узнали и пустили! Оказывается, они хорошо меня знают, читали мои работы, это через бог знает сколько лет, когда вся современная физика к чертям устарела, представляете? Я беседовал с одним из их руководителей, Конэром Гасски. Представьте, мы говорили на равных. Он показал мне их лаборатории, хронотехнику, мы много говорили о хронотеории – это величайшее творение человеческого разума, из наших исторических аналогов сравнимое разве что с теорией относительности, но по степени воздействия на мир просто нет аналогов!

– Оно и заметно, – пробурчал майор. Карл сидел молча, всем своим видом демонстрируя: «Ну вот, полюбуйтесь. Я же говорил!»

– У них грандиозные проекты, – продолжал Кромвальд, ничего не замечая. – Поэтапное преобразование и ускорение человеческой истории! Они передадут нам свои знания, и к их времени цивилизация уйдет на несколько веков вперед по сравнению с их нынешним уровнем. Тогда они опять передадут в прошлое новую информацию и технику, потом опять

и опять. То, на что ушли бы многие тысячелетия, уложится в отрезке в несколько веков. В итоге – торжество Разума, безграничное могущество человека! И они предложили мне работать у них! Вы представляете? Работать в науке черт-те какого века!

– Вот именно – черт-те какого, – сказал Беланов.

– Ну, разумеется, я неточно выразился. Но, полагаю, в такую минуту простительно отступить от научной терминологии…

– Дело не в терминологии, доктор. Дело в том, что они, при всей расписываемой вами откровенности, даже не назвали вам времени и страны, откуда они прибыли.

– Что за нелепые обвинения? – возмутился Кромвальд. – Ведь они предложили мне работать у них!

– А что, если… – подал голос майор, – если они подсунут вам вместо работы какую-нибудь чепуху, которая с нашей точки зрения – нерешенная проблема, а с их – тупиковая ветвь науки? Если единственная их цель – отвлечь, занять ваш мозг, чтобы его не использовали те, кто встанет на путь борьбы с ними? Что скажешь, Карл?

Артур с опаской взглянул на Карла. Он боялся, что тот устроит дискуссию, а то и ссору. Но Карл вдруг поднялся – усталый, сгорбленный, совсем не похожий на давешнего оратора.

– Пойду я, – сказал он, – нехорошо мне. Я ведь все-таки непьющий.

– Нет, вы не правы, – продолжал доктор после ухода Карла. – Это же высший разум, а высший разум должен быть гуманным!

– Ночью ваши гуманисты убили семьдесят человек, – сказал Грэбс, – семьдесят солдат и офицеров. Хотя прекрасно знали, что те не могут причинить им вреда.

– Это, конечно, прискорбно, – ответил доктор и на мгновение смолк, – но ведь эти солдаты напали первыми?

– Да, конечно, – процедил Грэбс, – а что, черт побери, должен делать солдат, когда на территорию его страны вторгается вооруженный враг?!

– Майор, я не хотел вас обидеть. Да, конечно, их методы не вполне оправданны, может, стоило прислать мирную делегацию, а не армию. Но их высшие цели благородны, и я уверен, что вскоре…

– Внимание! Жители города! – загремел за окнами Голос. – В городе вводится комендантский час. После двадцати одного часа и до пяти часов появляться на улице без экстренной необходимости запрещается.

7

Прошло несколько дней. В городе постепенно кончались запасы продовольствия, и миссионеры стали торговать своей провизией. Республиканские деньги они заменили собственными – прямоугольными карточками из неизвестного материала. Городу нечем было торговать с пришельцами, и они выделяли горожанам свои деньги в кредит, не сообщая, когда и как долг будет погашен.

Артур по-прежнему жил у своего друга. Однажды Генрих вошел к нему в комнату с озабоченным видом.

– Я получил повестку, – сообщил он.

– Повестку? От них?

– От кого же еще?

Артур взял белый прямоугольник. Адрес, имя, фамилия. «Вам надлежит явиться сего числа к 20 часам…», адрес.

– Что бы это могло значить? – удивился Артур.

– Я бы сам хотел это знать. Видишь, явиться к ним, в центр, и так поздно. Я не успею вернуться до комендантского часа.

– Может, какая-нибудь бюрократическая формальность?

– Непохоже. Я уже обзвонил всех знакомых. Никто ничего подобного не получал.

– Значит, ты представляешь для них особый интерес. Слушай, а может, они хотят прокатить тебя в будущее?

– Но почему именно меня? Почему не тебя, не Петера, не Кромвальда?

– Мы все слишком принадлежим своей эпохе. Я, например, могу пригодиться в будущем только в качестве экскурсовода по залу «Вычислительная техника Средних Веков». А ты – поэт, твое искусство принадлежит вечности…

– Да какая там вечность, – отмахнулся Генрих. – Таких, как я, в городе десятки, а в мире – десятки тысяч. С этой точки зрения я нисколько не интересен будущему.

– Слушай, Генрих… Я понимаю, это неприятный вопрос, но ты уверен, что ни в чем не провинился перед новой властью?

– Разве я похож на заговорщика, Артур? Нет, конечно.

– Тогда и волноваться нечего. Вот увидишь, они еще подвезут тебя до дома, чтобы не было неприятностей с патрулями.

– Ты думаешь, я должен идти?

– А почему нет? Ведь тебе ничто не угрожает.

– Так-то оно так… Только не нравится мне это.

Все-таки Генрих отправился по указанному адресу. Артур ждал его до десяти и уже уверился, что его друг действительно отправился на экскурсию в будущее, как вдруг услышал стук в дверь. Недоумевая, почему неизвестный гость не пользуется звонком, Беланов открыл.

И увидел Генриха, лежащего на полу в разорванной одежде.

– Господи! Генрих! Что случилось?! – воскликнул Артур, помогая другу подняться.

– Быстрее, Артур… Запри дверь… Помоги добраться до телефона…

– Генрих, что они с тобой сделали? Ты ранен?

– Кажется, ранен… Не время… Набери номер Грэбса!

Беланов поднял трубку, но не услышал гудка.

– Проклятье! Телефон не работает! Генрих, ложись, я постараюсь тебе помочь.

– Не получится… Во-первых, ты не врач, а во-вторых, никто не знает, как лечить раны от их оружия… Слушай, дорога каждая минута. Нас там собралось человек пятнадцать. Они объяснили нам, что отправят на экскурсию в будущее. Некоторое время обследовали с помощью каких-то приборов. Несколько человек отказывались, ссылаясь на дела, но им объяснили, что вернут в ту же минуту, из которой отправят. Потом… нас отвели в помещение с герметичной дверью, якобы в кабину машины времени. Но это… помнишь, Артур, мы смотрели фильм о лагерях смерти? Я сразу понял, что это… Это была газовая камера! Я бросился бежать… Они не ожидали, не смогли задержать, только стреляли вслед. Остальные погибли… Теперь главное – чтоб все узнали… Брось меня, Артур, беги… Они недаром отключили телефон, они сейчас будут здесь!

Раздался долгий звонок в дверь. Друзья замерли.

– Господин Беланов, откройте! – донеслось из-за двери. –

Мы знаем, что он здесь. Не бойтесь, мы не причиним вам вреда.

Артур молчал.

– Господин Беланов! Это бессмысленно. Не вынуждайте нас ломать замок.

Артур беспомощно огляделся и вдруг навалился плечом на шкаф, намереваясь забаррикадировать дверь. В этот момент в прихожей что-то взвизгнуло и сразу запахло паленым. Стуча сапогами, вошли вооруженные миссионеры. Генрих, лежа в кресле, в ужасе глядел на них. Артур встал, загораживая его. Один из миссионеров, с двумя полосками на левом плече – видимо, командир – выступил вперед.

– Прошу вас, господин Беланов, отойдите. То, что мы делаем, делается во имя всеобщей безопасности.

– Фашисты! – прорычал Артур. – Грязные ублюдки!

– Мне очень жаль, господин Беланов, – сказал командир и сделал знак остальным. Двое миссионеров мягко, но крепко схватили Артура за руки и оттащили в сторону. Двое других подняли Генриха из кресла, а еще один приставил к его груди свое оружие и нажал кнопку. Тело конвульсивно изогнулось и бессильно повисло на руках солдат. Те потащили его к выходу. Артур отчаянно вырывался из державших его рук, осыпая убийц проклятиями. Командир достал матовый прямоугольник и приложил его ко лбу Беланова. В этот же момент Артуром овладела полная апатия. Он почувствовал себя опустошенным и покорным. Руки, державшие его, раз-

жались, и он без сил упал в кресло.

8

Командир уселся в кресло напротив Артура и сделал знак своим людям удалиться.

– Ну а мы, господин Беланов, с вашего позволения, побеседуем. Вам многое хочется узнать, так зачем откладывать?

– Все, что мне сейчас хочется, – пробормотал Артур, борясь с опутавшей его апатией, – это проломить твою поганую башку.

– Бросьте, – отмахнулся командир, – вам сейчас руку лень поднять. Итак, позвольте представиться: лейтенант Миссии Гилби Крог. Я понимаю ваши чувства. На ваших глазах ликвидировали товарища… Любопытный парадокс: вы, человек двадцатого века, века самого кровавого в истории цивилизации, воспринимаете убийство куда более болезненно, чем мы. А все потому что в ваше время убийства слишком часто совершались спонтанно, бессмысленно, были непредсказуемы и вызывали у каждого естественный страх, что он будет следующим. В наше время каждое убийство разумно и закономерно.

Артур слушал и не мог возражать. Его обволакивал вязкий туман, сквозь который пробивался мерный голос Крога.

– Чтобы понять нашу правоту, вам нужно ознакомиться с некоторыми положениями хронотеории. Всякое событие порождает во времени хроноволны, или волны вероятности,

которые распространяются из прошлого в будущее. Это, конечно, абстрактное понятие: когда говорят о хроноволне, порожденной данным событием, имеют в виду события, являющиеся следствием данного. Очевидно, независимых хроноволн не существует; они постоянно взаимодействуют, порождают, усиливают или гасят друг друга. При путешествиях во времени, помимо естественных волн из прошлого в будущее, возникают обратные – из будущего в прошлое. Кстати, это решает известный «парадокс дедушки»: предположим, что некий маньяк проникает в прошлое и убивает собственного деда до зачатия своего отца. В этом случае, очевидно, маньяк не может появиться на свет, но тогда никто не убьет дедушку, и маньяк появится на свет. На самом деле просто две встречные хроноволны погасят друг друга. На практике это может принять разные формы, но, скорее всего, оба источника противостояния будут просто выброшены из истории, исчезнут: скажем, дедушка действительно погибнет, но не от руки своего внука, а от современной ему, деду, причины. Вас, вероятно, интересует, как же мы решились изменять прошлое, если при этом наше будущее может измениться так, что мы вовсе исчезнем? Все очень просто. Мы очень хорошо изучили ваше время и просчитали на компьютерах, которые, конечно, не чета вашим, возможные варианты. Дело в том, что небольшие изменения нас не пугают. Например, что было бы, если бы моей матери не было в природе? Ответ, кажется, ясен: я бы не родился. Но не спе-

шите! Ведь остается мой отец. Остаются его вкусы и привычки. Рано или поздно он подберет себе женщину, соответствующую этим вкусам, а значит, во всем похожую на мою мать. Ребенок, который у них родится, тоже будет Крог и, скорее всего, – Гилби, будет иметь похожую внешность, получит то же воспитание, значит, будет похож на меня и по характеру. Конечно, если изменить мать, различия будут все же значительны. А если устранить какую-нибудь прапрабабушку, к моменту моего появления на свет различия сведутся почти к нулю. Вообще волны вероятности, как и другие волны, имеют свои пучности и узлы – то есть отрезки времени, на которых диаметр, или амплитуда, волны велик или мал. Под диаметром понимают количество событий, непосредственно относящихся к данной волне. Если существует много относительно независимых событий, приводящих к сходному результату, это большой диаметр, пучность; если же имеется некое ключевое событие, изменение которого приведет к резкому изменению всей волны, говорят об узле. Вообще влияние на ход волны определяется тем, какая часть диаметра волны изменена: если меньше пятидесяти процентов, то со временем изменения сойдут на нет, если больше, то, напротив, изменения овладеют всей волной. Очевидно, наиболее верный путь воздействия на историю – через изменения узлов. Вас интересует, какое отношение все это имеет к вынужденной ликвидации четырнадцати человек, в том числе вашего товарища? Самое прямое. Через два месяца он

должен был сойтись с одной из местных женщин. В результате этой связи появился бы ребенок, сам по себе ничем не замечательный. Но через тридцать лет он стал бы отцом троих детей, и так далее. В конечном итоге далекий потомок вашего товарища стал бы одним из опаснейших людей нашего времени, борьба с которым отняла много сил и человеческих жизней. То же и с остальными. Их потомки появились в разное время и по-разному, но все они принесли немало вреда.

– Но почему вы ликвидируете не их, а их ни в чем не повинных далеких предков? – спросил Артур, еще с трудом шевеля губами.

– Я же говорил, господин Беланов, историю надо изменять в узлах. Люди, которых мы ликвидировали, находятся именно в таких узлах. Вмешательство в более поздний период потребовало бы большего числа жертв.

– Но почему вы их убили? Если все зло в детях, почему не ограничиться стерилизацией?

Уголки губ Крога слегка раздвинулись.

– Это же ненадежно. Даже на вашем уровне развития возможно провести обратную операцию. По-настоящему дает гарантию только кастрация, но ваш товарищ предпочел смерть.

– Что-то он не говорил о подобном выборе.

– Разумеется, мы не спрашивали его открыто. Мы просканировали его подсознание. Он ведь говорил об обследовании?

– Вы и подсознание сканировать умеете…

– Мы умеем очень многое.

– Послушайте, – сказал вдруг Артур, озаренный внезапной идеей. – А почему вы все это мне рассказываете? Вы не боитесь, что через день это будет знать весь город?

– Ни в коем случае, господин Беланов! Вы никому и ничего не расскажете.

– Вы и меня хотите прикончить?

– Вот она, логика двадцатого века! Я же, кажется, объяснил вам: мы ничего не делаем без необходимости. С какой стати сообщать вам информацию, чтобы потом убить? Вы ничего не расскажете, потому что не захотите подвергать других людей опасности. Дело в том, что каждому, кому вы проболтаетесь, придется делать промывку памяти, а это очень неприятная процедура. Если ее повторить несколько раз, человек превращается в полного кретина. И потом, вы же умный человек, должны понять, что бороться с нами бесполезно. Бороться против хронотехники можно только хронотехникой, все другие методы бессмысленны. В самом деле: допустим, против нас совершается диверсия. Мы, имея всю информацию о случившемся, отправляемся в прошлое и предотвращаем ее. Конечно, это лишние хлопоты, которые нам не нужны…

– Но мне-то вы зачем сообщаете то, за что другим хотите промывать память?

– У вас очень хорошие интеллектуальные показатели. Вы

нужны нам не как враг, а как сознательный соратник. Мы играем с вами в открытую: единственная наша цель – убедить вас в нашей правоте.

– Значит, обращаете меня в свою веру? Занятие как раз для миссионера! – усмехнулся Беланов.

Крог посмотрел на него с удивлением.

– Я вас не понимаю.

– А еще говорите, что изучили наше время! Миссионер в наше время значит человек, который проповедует религию различным туземцам, как правило, дикарям. Что и говорить, есть некоторая параллель с вашей Миссией.

– Изучали ученые, а я офицер, – пожал плечами Крог. – Наше общество – общество разделения функций, каждый знает только то, что ему непосредственно необходимо. Это совершенно естественно. Объем информации, накопленный цивилизацией, все время растет, а ресурсы человека ограничены. Со временем знания, необходимые в каждой специальности, становятся столь обширны, что человек может усвоить только их, на остальное не хватает ни памяти, ни сил, ни времени.

– Так о каком же, черт побери, поэтапном ускорении прогресса вы говорите? Если вы уже достигли уровня насыщения, куда вы будете девать новые знания?

– О,тут еще есть немалые резервы. Ближайшая перспектива – генетическое программирование. Общество определяет, сколько ему нужно физиков, солдат, администраторов.

В положенный срок рождается соответствующее количество физиков, солдат, администраторов. Рождаются дети, у которых данные способности чрезвычайно развиты – конечно, за счет всех остальных. Разумеется, надобность в общем образовании отпадает – буквально с первых лет жизни начинается дифференцированное обучение. Возможности мозга используются с максимальной отдачей, никаких потерь времени на всякие сказки, игрушки и тому подобное – у запрограммированного ребенка просто не возникает в этом потребности. Пока это только проект, но он близок к реализации.

– Ну да, – вздохнул Артур, – запрограммированные убийцы…

– Опять вы за свое, – произнес Крог без всякого раздражения. – Впрочем, я и не рассчитываю убедить вас сразу. Нам предстоит еще много бесед…

– Мне не о чем беседовать с убийцами. Все ваши попытки обратить меня в свою веру абсурдны. Может, разумнее мне было бы притвориться и соглашаться с вами, но я не намерен. Я кибернетик и привык к двоичной логике. Единица либо ноль, да либо нет, истина либо ложь. Третьего не дано.

– Я, конечно, понимаю, сейчас вы нас ненавидите. Но никто и не просит нас любить. Неужели вам не интересно – ну хотя бы из чистого любопытства! – общаться с человеком будущего, узнать информацию, которую, кроме вас, мы можем доверить лишь нескольким людям в городе? Ну хотя бы из

принципа «своих врагов надо знать в лицо»?

– Я одного не пойму, – ответил Артур, – чего вы всем этим добиваетесь?

– Я же говорил вам, мы играем в открытую. Мы готовы оказать вам различные услуги, и ничего не требуем взамен.

– В таком случае, предоставьте мне квартиру. Я не могу оставаться в этой.

– Хорошо. Не хотите вернуться в свою бывшую?

– Бывшую? Но… как же Эльза? Я не думаю, что она…

– Хорошо-хорошо, – заторопился Крог. – Получите отдельную квартиру неподалеку от той.

– Неподалеку так неподалеку, – согласился Беланов, неожиданно для себя осознав, что он вовсе не против такого решения. – Завтра я туда переберусь. А теперь убирайтесь, я хочу спать.

– Пожалуйста. Да, и еще: когда ваши товарищи будут спрашивать о Генрихе, отвечайте, что не знаете. Получил повестку, ушел и не вернулся. Помните, что будет с теми, кому вы проболтаетесь.

– Вы даже не собираетесь объяснить людям, куда девались их сограждане?

– Мы распространим версию, что они добровольно остались в будущем. Спокойной ночи, господин Беланов.

9

Медленно тянулись дни. Старые приятели уже не собирались вместе: Кромвальд днями и ночами пропадал в лаборатории, майор и Карл куда-то запропастились, иногда лишь захаживали Альберт и Петер. В глубине души Артур был даже рад: он не мог смотреть в глаза этим людям, не мог слушать их рассуждений о том, как теперь Генриху живется в будущем. Беланов не мог подыскать себе никакого занятия и мучился от безысходной тоски. Петер начал как-то странно присматриваться к нему и однажды заявил напрямик:

– Артур, ты мне положительно не нравишься. Я понимаю, все эти события действуют угнетающе… почему бы тебе не лечь ко мне в клинику?

Артур отказался в довольно резких выражениях, потом извинялся. Петер покачал головой, видимо, утвердившись в своем мнении, но настаивать не стал.

В один из таких дней Беланова снова посетил Крог. «Хоть какое-то Развлечение», – подумал Артур, впуская лейтенанта.

– Добрый день, господин Беланов, зашел вот к вам побеседовать, а то вы же скучаете. Да, кстати, – Крог протянул Артуру маленькую коробочку с кнопкой, – если я или кто-нибудь из наших вам понадобится, нажмите здесь.

– Лампа Аладдина, – усмехнулся Артур, пряча коробочку

в карман.

– Что? – не понял Крог.

– Ну да, вы же сказок не читали, на формулах воспитывались… Так что вы имеете мне сообщить?

– Что пожелаете – в пределах разумного, – неопределенно произнес миссионер, устраиваясь поудобней в кресле.

– Ну, например, откуда вы взялись на нашу голову?

– Ну, этот вопрос как раз не в пределах разумного. Я могу, конечно, сообщить вам географические координаты и год от начала вашей эры, но что вам это даст? Какая разница, сколько между нами лет разницы? – Крог улыбнулся невольному каламбуру. – Я полагаю, вам будет интереснее узнать о структуре нашего общества.

Артур не стал возражать.

– Насколько я понимаю, ваше общество не слишком демократично?

– Демократия – власть народа, – проявил, наконец, эрудицию Крог. – Нет, такого у нас нет. У нас жесткая иерархия снизу доверху. Все административные должности дублированы компьютерами, часть этих должностей вообще не доверяется людям – только компьютерам. Не дублирована только верховная – ее занимает Великий Лидер Ордон Гройт.

– Так я и думал. Машины времени, благо человечества, ускорение истории – а на поверку банальная диктатура очередного ефрейтора.

– Главнокомандующий всеми родами войск не ефрей-

тор, – отрезал Крог. – И вообще, он не имеет ничего общего с вашими полуграмотными вождями. Он велик не по должности, а по деяниям. Именно он обобщил теории и воплотил их в практику, построив первую машину времени. Именно он впервые применил хронотехнику в военных целях.

– Вот как? – заинтересовался Артур. – С кем же еще вы воевали?

– За то время, что нас разделяет, – произнес Крог, положив ногу на ногу, – в истории цивилизации происходили многочисленные потрясения. Периоды мира и благоденствия сменялись тяжелыми кризисами. Политическая карта менялась несколько раз, и весьма существенно. Лидер Гройт пришел к власти во время Шестого Глобального Кризиса. В это время нам, то есть Радикальному Блоку, противостояли государства Демократической Коалиции. Лидер Гройт, создавший машину времени раньше наших врагов, отправил в их прошлое мощный вооруженный десант, разгромивший противника, так сказать, в зародыше. Демократическая Коалиция фактически выброшена из истории, о ней сохранилась лишь самая смутная информация. В короткий срок при помощи хронотехники все государства мира были объединены под властью Великого Лидера Гройта. Теперь вы понимаете, почему государственное устройство цивилизации, достигшей нашего уровня, может быть только авторитарным? Ведь в противном случае кто угодно окажется в состоянии изменять историю! Трудно себе представить более страшную

катастрофу.

– Да, действительно катастрофа, – сказал Артур. – Никогда бы не подумал, что мечты о мировом господстве могут стать реальностью. Бред какой-то! И главное, всего этого можно было избежать. Строжайший запрет на любые хроноисследования… международный контроль… и из истории была бы выброшена не Демократическая Коалиция, а ваш поганый Радикальный Блок вместе с диктатором.

Крог, казалось, не обиделся.

– Поздно, – заметил он, – мы уже берем под контроль историю и не позволим ей отклоняться в нежелательную сторону. Однако, обратите внимание, вы в борьбе с хроноисследованиями готовы применить отнюдь не демократические методы, что лишний раз доказывает ложность ваших либеральных посылок.

– Но как можно бороться демократическими методами с врагами демократии?

– А тоталитарными методами можно бороться с врагами тоталитаризма. Повторяю, вы исходите из неверных посылок, полагая свободу априорной ценностью. В действительности свобода сама по себе имеет ценность лишь для очень небольшой прослойки людей – тех, кого в ваше время называют творческой интеллигенцией. Для большинства первостепенными являются материальные ценности, и это естественно. Вы скажете, человечество всегда стремилась к свободе? Вздор! Недовольство угнетенных классов – это не

жажда свободы, а жажда материальных благ. Чем кончались все революции? После краткой эйфории свободы начинался передел имущества, и тогда куда девались все эти свободы и братства? Люди топили друг друга в крови, разрушали хозяйство, отрекались от всякой морали и закона – и в конце концов успокаивались под властью очередного тирана. Это жажда свободы? Когда народы избирали себе императоров, миллионы соглашались подчиниться одному – это жажда свободы? Да свобода не просто не нужна человеку, она ему крайне обременительна, он не знает, что с ней делать. Что такое свобода? Уже в ваше время это фикция. Свобода – это полная независимость. Но в цивилизованном мире всякий человек зависит от тысячи других. Дайте ему свободу – и он умрет с голоду, замерзнет, в лучшем случае, превратится в дикаря. Свобода – это хаос, дикость, торжество энтропии. То есть, в конечном счете, свобода – это смерть. Недаром смерть столь часто называли освобождением… Развитие цивилизации – это эволюция несвободы, путь от хаоса к порядку. Вы зря считаете нас преступниками. Люди всегда мечтали о порядке, о твердой власти, которая снимет с человека бремя ответственности за принятие решений, бремя забот о хлебе насущном в том числе. Все мировые религии суть апология такой абсолютной власти. Мы лишь воплотили в жизнь вековую мечту человечества.

– Это старая песня, – усмехнулся Артур. – Надо полагать, вы вытащили из могилы идею социализма?

– Вы зря иронизируете, – возразил Крог. – Сказать вам, почему тоталитарные идеи, в том числе идея социализма, в ваше время потерпели крах? Потому что это идеи не прошлого, а будущего. Общество еще не доросло до них. Для исправного функционирования тоталитарного общества необходима система жесткого всеобъемлющего контроля. Этот контроль должен быть постоянным и вездесущим. Его нельзя доверить людям, ибо человек слаб и несовершенен, он может уклониться от своих обязанностей. Техника нашего времени позволила создать такую систему. Эта система полностью автоматизирована. Технические устройства, образующие эту систему, невозможно ни подкупить, ни обмануть, ни вывести из строя. Бюрократия, коррупция, волокита, интриги – все беды прежних тоталитарных структур – ушли в прошлое. Развитие информационных технологий, новые компьютерные сети позволяют решать любые задачи оптимального планирования. Да, мы вполне можем утверждать, что построили социализм.

– И каково же приходится людям в этом мире электронной слежки?

– Наш технический уровень позволяет в основном удовлетворять их материальные потребности.

– А социальных проблем у вас, стало быть, не возникает?

– Для нашего общества нет неразрешимых проблем. К примеру, мы уничтожили преступность.

– Ну да, ваши детекторы сразу засекают преступников и

уничтожают на месте.

– Сколько раз вам повторять: мы не практикуем насилие ради насилия, мы убиваем только в случае жесткой необходимости. Преступников у нас просто нет, они не могут появиться.

– Что же им мешает?

– Совесть.

Это было так неожиданно, что Беланов рассмеялся.

– Ну вот, вы опять все неверно понимаете, – посетовал миссионер. – Все-таки люди вашей эпохи достаточно ограничены. Вы понимаете совесть как нечто абстрактное, как моральную категорию. А меж тем всякая моральная категория имеет физическую первооснову. Мы досконально изучили человеческий мозг и знаем, какие нервные центры заведуют совестью. Каждому гражданину нашего общества по достижении шестимесячного возраста в мозг вживляется миниатюрное устройство, исправно функционирующее всю его жизнь. Надо заметить, что всякий человек, воспитанный в определенных принципах, не может стать преступником в одночасье. Первоначально мысль о преступлении вызывает в нем угрызения совести. Прибор усиливает соответствующие импульсы, и человек чувствует боль. Если он не откажется от преступных мыслей, боль увеличивается. Если же он упорствует и пытается предпринять практические шаги для воплощения замысла, прибор парализует его и посылает сигнал службе безопасности, но такое случается редко. Как

видите, прибор не занимается чтением мыслей и сличением их со статьями законов: он лишь выполняет функцию усилителя совести.

– Внушительно, – сказал, помолчав, Беланов. – В каком-то смысле вы достойны восхищения. Вы добились того, что было недостижимой мечтой прежних тоталитарных режимов – вы запретили человеку думать. Отныне даже в мыслях своих он не волен. Позвольте узнать, с нами вы тоже намерены проделать такую операцию?

– Нет, – покачал головой Крог. – С вами это бесполезно. Вы уже сформировались, вас не переделаешь. Мысли, преступные с нашей точки зрения, с вашей будут едва ли не героическими. Предвижу ваш вопрос и отвечаю: никто не собирается вас уничтожать. Мы дадим вам тихо и благополучно дожить до старости, а затем вместе с вами уйдет в небытие Мир Хаоса. Те, кто придут за вами, будут выращены уже под нашим контролем – это будут поколения Мира Порядка.

– Так вот для чего вы забрали наших детей!

– Да, и незачем волноваться. Спросите любого из них, с кем ему лучше – с нами или с вами. Обратите внимание, мы забрали не всех. Выродки, безнадежно испорченные вашим миром, все эти панки-хиппи, или как там они называются, нам не нужны.

– И что же их ожидает, этих выродков? – спросил Артур, еле сдерживаясь.

– Резервации, – спокойно ответил Крог. – Как показывает

компьютерный прогноз, они там довольно быстро истребят друг друга или попросту вымрут, неспособные позаботиться о себе. Но вас это не должно беспокоить. Вашего сына ждет блестящая карьера. Весьма возможно, он дослужится до генерала.

Артур почувствовал, как закипает в нем бешенство. Он вскочил и бросился на Крога. Тот метнулся в сторону, и кулак Артура врезался в спинку кресла. Артур повернулся и снова кинулся на врага. Тот парировал удар и снова отскочил.

– Прекратите, господин Беланов, – сказал миссионер. – Вот вам еще один аргумент в нашу пользу: я могу причинить вам боль, но не хочу этого делать, а вы хотите причинить боль мне, но не можете.

– Черт с вами! – Артур опустил руки и снова сел в кресло. Лейтенант немедленно последовал его примеру. – Вы меня убедили. Вы сильнее, умнее и так далее, бороться с вами бесполезно. Все, что нам осталось – это застрелиться.

– Что за вздор вы несете! – Крог, кажется, впервые рассердился. – Откуда такие мысли у нормального человека? Да самое интересное в вашей жизни только начинается! У вас будет превосходная работа…

– Работать на вас я не желаю.

– Да мало ли удовольствий в жизни? Женщины, например…

– Та-ак, – протянул Артур и усмехнулся. – Лейтенант

Миссии намерен заняться сводничеством?

– Вы все примитивизируете! – Крог, казалось, смутился. – Не хотите о женщинах – не будем. Я только хочу, чтобы вы перестали воспринимать наш приход как трагедию. Да знаете вы, что будет с вашим миром, вернее, что было бы, если бы не пришли мы? Вам назвать число умерших от СПИДа за предстоящие тридцать лет? А во что обернется повышение уровня океана за счет парникового эффекта, вы знаете? А до какой широты дойдет граница северной озонной дыры – я уже не говорю о южной? А мы избавим вас от всего этого!

– Ну хорошо, допустим, вы явились нас спасать. Но спрашивается, почему вы не выбрали момент на сто лет пораньше? Почему не предотвратили все ужасы двадцатого века, который сами признаете самым кровавым в истории?

– По той же причине, по которой у вас в армию не берут двенадцатилетних. В армии не нужны мальчишки с детской психологией и детскими навыками. Так и нам для реализации нашего грандиозного плана ускорения истории нужна цивилизация, возмужавшая в огне мировых войн, научившаяся бороться с глобальными проблемами и в значительной мере избавившаяся от детского романтизма. Вы нам подходите.

– Беда в том, что вы нам не подходите, – пробурчал Артур.

10

Подходил к концу пятый месяц со дня появления Тумана. Одна за другой рвались ниточки, связывавшие население города с прошлым. Республиканские деньги окончательно вышли из обращения: миссионеры ввели распределительную систему. Лишь для немногих горожан нашлась работа в научных центрах миссионеров; эти люди пользовались всеми благами цивилизации будущего. Остальные, бесполезные и безвредные для нового порядка, обеспечивались всем необходимым, но не более того. Система автоматизированной тотальной слежки была введена в действие. С ее помощью было ликвидировано мародерство, процветавшее в первые дни после захвата города Миссией, а затем и другие преступления стали сходить на нет. И вот в конце пятого месяца очередное достижение системы взбудоражило город. Оказалось, что в городе существовала подпольная организация, планировавшая внезапный захват или уничтожение машин времени. В число заговорщиков входили Карл и майор Грэбс. Все участники заговора были арестованы; командование Миссии готовило показательный процесс. Бывшие ассистенты были приведены к присяге, церемония транслировалась по телевидению. В ближайшее время им должны были имплантировать «усилители совести». Вообще в деятельности миссионеров произошло значительное оживление. По фразам,

вскользь оброненным Крогом, Артур понял, что предварительный этап операции подошел к концу и в ближайшие дни начнется высадка миссионерских десантов по всему миру.

Никогда еще Артур не чувствовал себя так мерзко, как теперь. Арест старых друзей доконал его окончательно. Никто из прежних знакомых не навещал его – видимо, из-за встреч с Крогом и привилегий, которыми Артур пользовался, хотя нигде не работал, его считали сподвижником миссионеров. Но однажды заглянул доктор Кромвальд, растерянный и возмущенный, и заявил, что готовящийся политический процесс – это все-таки порядочное свинство, хотя он, Кромвальд, совершенно не одобряет замыслов террористов.

– Но надо же, в конце концов, делать скидку на нашу отсталость! Надо действовать разъяснением, убеждением! Тот же майор – неглупый человек, я уверен, что рано или поздно он понял бы, что бороться с Миссией нелепо! А репрессивными методами они только наживают себе врагов, увеличивают пропасть непонимания!

– Выскажите это вашему начальству, – посоветовал Артур неприязненно.

– Я говорил! Я так и заявил Конэру Гасски!

– И что же он?

Доктор смутился, как всякий человек, рассказывающий о собственном унижении.

– Посоветовал мне не лезть не в свое дело. Заявил, что нет никаких оснований сомневаться в компетентности командо-

вания и правильности принимаемых им решений.

– А что вы?

– А что я? – Кромвальд развел руками. – Что я, в конце концов, могу поделать? Все равно альтернативы Миссии нет. Не могу же я, в конце концов, примкнуть к террористам!

– Вы можете хотя бы перестать работать на миссионеров.

– Слушайте, вы! – взорвался вдруг доктор. – Какого черта вы меня учите? Сначала Гасски, теперь вы! Тоже мне праведник нашелся! Все кругом знают, что вы любимчик миссионеров! Я-то хоть работаю, а вы, спрашивается, за какие шиши?

Доктор вышел, хлопнув дверью.

Некоторое время Беланов сидел, уставившись в стену, затем поднялся и пошел в прихожую. Он решил навестить Эльзу. Артур знал, что ему нечем обрадовать ее, так же как и ей – его, но тоска и одиночество были просто непереносимы. Артур вышел на улицу и брел, погруженный в собственные мысли, не глядя по сторонам. Неожиданно визг тормозов вернул его к действительности. Артур повернул голову и увидел, что стоит посреди мостовой, а прямо на него несется большой автомобиль. Казалось, время остановилось. Беланов видел перекошенное лицо водителя, пытающегося вывернуть руль, передние колеса мчащейся машины, скользящие юзом по влажному асфальту, номерной знак, фирменную эмблему на радиаторе, наклейку на ветровом стекле, видел – и не мог сдвинуться с места. «Все. Конец», – пронес-

лось в мозгу.

И в этот момент произошло невероятное. Передние колеса машины оторвались от асфальта. Автомобиль поднялся на дыбы, одновременно заваливаясь набок, и, не касаясь колесами земли, отлетел в сторону, словно отброшенный невидимым препятствием. В следующий момент машина ударилась колесами о тротуар и, прокрутившись вокруг собственной оси, с грохотом врезалась в стену ближайшего дома.

Артур перевел дух и поднял глаза. Над улицей плыла граненая капля – боевая машина пришельцев.

И, глядя на эту машину, Артур вспомнил:

– осколок, врезающийся в стену над головой Генриха;

– другие опасности во время ночного штурма;

– обстоятельства убийства Генриха;

– необъяснимое внимание и расположение миссионеров;

– исключительно защитную реакцию Крога, когда Артур бросился на него с кулаками;

– озабоченность Крога его фразой о самоубийстве.

Наконец, сегодняшнее происшествие. У Артура не осталось никаких сомнений. Почти бегом он бросился домой.

Дома он достал из ящика стола маленькую коробочку и нажал кнопку. Теперь оставалось только ждать.

Крог появился через несколько минут.

– Вы, должно быть, хотите обсудить сегодняшнее происшествие?

– Нет, – Артур казался спокойным. – Я, конечно, благода-

рен вам за спасение, но вызвал вас не поэтому. Видите ли, я стоял у окна, и мне пришла в голову любопытная мысль… Не хотите взглянуть?

Лейтенант невольно повернулся к окну, на которое указывал Беланов. В тот же момент Артур со всей силы ударил его правой в скулу. Крог, не ожидавший нападения, отлетел к стене. Не давая врагу опомниться, Артур нанес ему прямой удар в переносицу. Миссионер ударился затылком о стену и медленно сполз вниз. Артур нагнулся, быстро отцепил от пояса лейтенанта похожее на пистолет оружие, затем перевернул Крога на живот и связал ему ремнем руки за спиной. Потом он снова повернул миссионера лицом к себе и наставил на него пистолет. Крог смотрел мутным взглядом, по лицу его текла кровь.

– Значит, так, – сказал ему Артур. – Если хочешь жить, все мне расскажешь.

– Это… бессмысленно, господин Беланов, – шевельнул губами Крог. – Вы не можете меня убить. В этом случае… наши вернут время вспять и исправят прошлое…

Артур ткнул его в лицо стволом пистолета.

– Вот сейчас я проделаю дырку в твоей башке, а там посмотрим, воскресят ли тебя ваши фокусы со временем!

В глазах миссионера Беланов увидел то, что хотел увидеть. Страх! Сложные построения хронотеорий – это одно, а такой близкий, реальный, животный страх смерти – совсем другое. И страх победил.

– Что вы хотите?

– Говори все, как есть! Ведь я нахожусь в узле?

– Да… в узле…

– Какого диаметра?

– Это самый узкий узел на протяжении пяти столетий.

– И что же это за узел?

– В ближайшее время вы должны вновь сойтись с Эльзой… У вас родится сын. Его – и ваш – прямой потомок – Великий Лидер Ордон Гройт.

– В узле нахожусь именно я или Эльза?

– Именно вы. Женщина может быть и другая.

– Вот почему вы меня опекаете…

– Мы обеспечиваем вашу полную безопасность…

За дверью послышался шум. Резкий голос произнес:

– Господин Беланов, немедленно откройте! Это бессмысленно!

Артур вскочил, выбежал в другую комнату и заперся изнутри. Его худшие опасения подтвердились. Что теперь делать? Как бороться с миссионерами, умеющими корректировать прошлое? Очевидно, выход только один – уничтожить их в зародыше. И этот зародыш – он сам, Артур…

За дверью загремели шаги. Еще немного – и они ворвутся сюда. Артур повертел пистолет в руках, заглянул в ствол и вложил его в рот.

– Господин Беланов, не делайте этого! – голос за дверью был близок к истерике. – Подумайте, в жизни столько хоро-

шего! Мы дадим вам все, чего вам не хватает!

Почему я, думал Артур. Ведь это же несправедливо! Из миллиардов жителей Земли – именно он! И потом, разве может человек отвечать – не за сына, не за внука – за далекого потомка?

За окном повисла граненая капля. В борту машины открывались люки.

Артур плотнее сжал зубами ствол оружия и ощутил отвратительный привкус железа. Его горло сдавил спазм, он хотел сглотнуть – и не мог. На лбу его выступил холодный пот.

– Господин Беланов! – это уже кричал Крог. – Может, вы хотите стать героем? Не станете! Вспомните, что я вам рассказывал про «парадокс дедушки»! Вместе с нами будет вышвырнут из истории и ваш подвиг!

Главное – никто меня не вынуждает, пронеслось в мозгу Артура. Я вполне могу не делать этого.

Запахло горелым. Миссионеры выжигали замок в двери. «Главное – не думать. Не успеть испугаться», – и тут же Артур почувствовал, как древний ужас смерти липким холодом разливается по его животу и груди, парализуя тело. Быстрее, пока он не овладел сознанием! Артур вздохнул, зажмурился, до боли сдавил зубами ствол и каким-то неестественным, судорожным движением нажал на спуск.

* * *

Стоял теплый солнечный день. Лето в этом году выдалось сухим и безоблачным. Многие жители покинули город, что-

бы, как всегда, вернуться осенью, по окончании летних отпусков.

На старом городском кладбище, возле свежевырытой могилы, стояла небольшая группа людей. Это были те, кто пришел проводить в последний путь Артура Беланова. Кроме его сына Роберта, бывшей жены Эльзы и старых друзей, здесь никого не было.

– И все-таки я не могу понять, – говорил вполголоса Генрих, – почему он это сделал. У него не было никаких оснований, чтобы застрелиться.

– И вообще в последнее время он вел себя как-то странно, – отозвался Кромвальд. – Неожиданно приехал в наш город, был чем-то обеспокоен, а потом вдруг пошел, купил револьвер и…

– Друзья мои, – тихо произнес Петер, косясь на Эльзу, – как ни печально это признать, в последнее время Артур, по-видимому, был серьезно болен. Переутомление на работе, уединенный образ жизни – все это породило психическое расстройство. Маниакально-депрессивный психоз. Очень жаль, что я не заметил этого раньше. Бедный Артур!

Все согласно склонили головы.

Ad majorem

Томазо въехал в Рому в одиннадцатом часу утра. Было еще довольно свежо, в тени даже кое-где лежал снег, но солнце сияло уже по-весеннему, ни одно облачко не пятнало синий купол небес, и на душе у Томазо тоже было солнечно и легко. Позади остались все нелегкие споры с отцом и долгий путь из Фиренцы; он, наконец, вернулся в родной город, вернулся, чтобы посвятить себя делу, которому замыслил отдать всю жизнь.

Томазо с детства любил Рому. Любил ее древнюю славу, многоколонные развалины дворцов, и в руинах, хранящих суровое имперское величие; камни старинных улиц и площадей, помнящие триумфы первых кесарей и пламенные речи республиканских трибунов; любил роскошные творения современных зодчих, съезжавшихся со всей Италии ради чести украсить Вечный Город; любил утопающие в зелени виллы и весело плещущие, искрящиеся на солнце фонтаны; любил и простые улочки, узкие и кривые, по которым часто бегал с соседскими мальчишками, путаясь под ногами прохожих; и лавки с их жестяными вывесками и манящими ароматами, и шумную разноголосицу рынков, и паруса лодок на Тевере, розовеющие на закате… Но, пожалуй, больше всего любил он то, что составило новую славу великого города – славу столицы католического мира, резиден-

ции наместника Господнего на земле. Не раз сердце маленького Томазо сладко замирало, когда слышал он, как начинают звонить к мессе. Вот, словно часовой на башне, подал голос колокол Сан-Джиакомо; с обоих берегов Тевере отозвались ему Сан-Джулио и Сант-Аугусто; подхватил и понес их призыв Сант-Игнацио; размеренно и строго вступает Сант-Андреа, и тут же высоким и чистым перезвоном отвечает звонарь Санта-Сабины; вливаются в общий хор Сан-Бонифацио, Санта-Лючия, Сан-Джиованни и, наконец, разносится над городом торжественный тягучий бас колоколов базилики Сан-Пьетро…

«В дядьку пошел, – неодобрительно хмурился отец, глядя на восторженно-мечтательное лицо мальчика. Уйдет в монахи, кто дело продолжать будет?» Может, и переезд в Фиренцу был вызван не только деловыми соображениями, но и желанием увезти мальчика подальше от церквей и монастырей Вечного Города. Что ж, если и так, то не вышел у старого Лоренцо его хитрый план… Ибо сказано Господом – «не мешайте приходить ко мне малым сим!»

Копыта зацокали по булыжнику рыночной площади, и на предавшегося воспоминаниям Томазо разом нахлынул многоголосый гомон.

– Горшки, горшки-и-и!

– Тончайшие ткани с Востока! Возьмите, синьор капитан, порадуйте свою невесту!

– Рыба, свежая рыба! Посмотрите, как бьется!

– Врешь, мошенник, этот хлам не стоит и пяти реалов!

– Синьор, только из уважения к вам я готов отдать за восемь, но подумайте о моих шестерых детях!

– А ты бы строже соблюдал заповеди Господни, глядишь, и детей было бы меньше, га-ха-ха!

– Держи вора, держи!!!

– Синьора, купите сладостей вашему мальчугану!

– Ма-ам, хочу ледене-ец!

– Куда прешь с ослом, разрази тебя Иуда!

Томазо чуть нахмурился, услышав богохульство. Конечно, это всего лишь невежественное простонародье, они сами не знают, что болтают… но как все-таки жаль, что так трудно приживается в умах благочестие. Минуло уже шестнадцать веков с тех пор, как Господь принес себя в жертву, дабы спасти мир – а люди все еще не научились ценить эту жертву. Почему нет у них того чистого, цельного и светлого чувства, которое было у Томазо с тех пор, как ребенком познакомили его с основами святой веры? И почему Господь, жаждущий, чтобы все люди пришли к нему, не поможет им обрести эту веру?

Последняя мысль была совсем неприятной, почти кощунственной. И хуже всего, что как раз сейчас, когда он готовится к постригу, такие мысли стали посещать его чаще и чаще. Не иначе, нечистый пытается смутить его душу. Томазо поспешно перекрестился и свернул в знакомый переулок.

Не прошло и десяти минут, как он спешился у ворот оби-

тели. Осторожно ступая между лужами, чтобы не забрызгать белую рясу послушника, он подошел к входу, взял висевший на цепи молоток и постучал. Прежде, чем ему открыли, Томазо сделал несколько шагов назад, чтобы еще раз окинуть взглядом величественное здание из серого камня – истинную твердыню веры. Над входом изгибалась дугой каменная лента с выбитыми на ней латинскими словами. AD MAJOREM DEI GLORIAM, «К вящей славе Господней» – девиз иудаитов.

Тяжелая дверь отворилась, почти не скрипнув.

– Мир тебе, – приветствовал привратник молодого человека.

– И тебе мир, брат. Скажи, где я могу найти брата Бартоломео Гольджи?

– В конце левого крыла, он занимается с детьми катехизисом. Но позволь узнать, каково твое дело к брату Бартоломео?

– Я племянник его Томазо и прибыл по благословению духовника моего, отца Франческо…

– А! Брат Бартоломео рассказывал о тебе. Входи, я провожу тебя.

Дойдя вместе с привратником до конца коридора, Томазо осторожно приоткрыл дверь и заглянул в щель, не желая мешать уроку. Его дядя Бартоломео, чья несколько излишняя для ревностного служителя Господа дородность искупалась его лучившимся добродушием, заметил племянника, широ-

ко улыбнулся, но тут же быстрым движением приложил палец к губам, указывая глазами на приготовившегося отвечать ученика. Томазо молча кивнул, но оставил дверь приоткрытой, желая послушать.

– Итак, Умбертино, – сказал монах, – расскажи нам, как пришел в мир Иисус.

Умбертино, пухленький розовощекий мальчик – вылитый ангелочек с фрески Буанаротти – сложил руки, воздел взгляд к сводчатому потолку и старательным тоном отличника начал:

– Люди много грешили, и дьявол возрадовался. Но знал он, что не может овладеть душами людей, пока сами, по доброй воле, не предадутся они ему. И тогда принял дьявол облик человеческий, и явился в земле Израилевой под именем «Иисус», творя прельстивые чудеса и лжепророчества.

– Так, так, – одобрительно кивнул монах. – А что сделал Господь?

– Господь Бог вос… воск…

– Воскорбел, – подсказал Бартоломео.

– … Воскорбел сердцем, видя сие, и послал сына своего Иуду Искариота, дабы тот остановил дьявола и спас человечество от погибели. И сошел Иуда на землю, разоблачая козни Иисусовы, но люди были ослеплены своими грехами и ложными дарами Иисуса, и не слушали…

– И что было дальше? – подбодрил мальчика монах.

– И тогда решил Иуда изгнать дьявола с земли, и присту-

пил к нему близко, и вошел в круг его учеников.

– А зачем он это сделал?

– Ибо так любил Иуда людей, что не пожелал оставлять на погибель ни единого из них, даже и тех заблудших, что первыми предались Иисусу. Но один лишь Петр согласился отречься от Иисуса; прочие же упорствовали, ибо слишком закоснели в грехах своих. И тогда с тяжким сердцем отступился от них Иуда, и предал Иисуса мирской власти кесаря.

– А отчего Господь наш Иуда сам, своею божественной силой, не покарал Иисуса?

– Оттого что люди сами должны были изгнать дьявола.

– И что случилось потом?

– Иисуса судили и предали позорной казни на кресте вместе с двумя разбойниками. С тех пор крест почитается всеми искарианами как святой символ победы над дьяволом. Но лишь телесная оболочка дьявола была умерщвлена, дух же его вновь низринулся в ад и по-прежнему измышляет козни против рода человеческого. И будет так до второго пришествия Иуды, когда побежден будет дьявол окончательно и вовеки веков, аминь.

– Подожди со вторым пришествием, ты еще с первым не закончил. Что сделали ученики Иисусовы?

– Ой, – смущенно покраснел Умбертино, поняв, что пропустил самое важное. – Ученики, исключая Петра, что отрекся от них, вскипели великим гневом на Иуду, и напали на него, и удавили его веревкой, повесив на осине.

– А отчего Господь наш Иуда позволил им это сделать?

– От любви к людям, ибо сей великой жертвой искупил он грехи рода человеческого.

– А как поступил Петр?

– Когда ученики напали на Иуду, Петр обнажил меч и хотел защитить его. Но Иуда сказал: «Ступай с миром, Петр, и неси мою истину племенам и народам». Так святой Петр сделался наместником Искариота на земле и первым Папой. При жизни он многих обратил в святую искарианскую веру, а после смерти вознесся на небо, и сделал его Иуда стражем райских врат.

– Молодец, Умбертино, все правильно. Ну что ж, дети, на сегодня урок окончен. Не забудьте повторить молитвы к следующему разу.

Радостно галдящая ребятня устремилась из класса мимо смотревшего на них с улыбкой Томазо. Следом вышел и Бартоломео.

– Значит, все-таки получил благословение, – довольно кивнул он, кладя руку племяннику на плечо и глядя на высокого юношу слегка снизу вверх.

– Получил, дядюшка. Непросто это было, отец уж больно хотел пристроить меня к управлению нашей суконной мануфактурой…

– Ну, Лоренцо тоже можно понять, – рассудительно заметил Бартоломео. – Мало того, что семейное дело некому передать, так еще и обет безбрачия… На нас кончается прямая

линия Гольджи.

– Ничего, у меня две сестры подрастают, с таким приданым их кто хочешь возьмет. Да и не о мирском печься заповедовал нам Господь.

– Конечно, конечно, – покивал монах. – Однако не будь слишком суров и к мирскому – оно ведь тоже сотворено Господом нашим к вящей славе его.

– Вот насчет суровости я как раз хотел с тобой поговорить, – смущенно заметил Томазо. – У тебя есть сейчас время?

– Сейчас я должен идти исполнить свою службу. Но если тебе так не терпится, мы можем побеседовать дорогою.

Они вышли из обители и зашагали по улице. В лужах плескались воробьи.

– Так что тебя тревожит? – осведомился Бартоломео.

– Знаешь, дядюшка, это даже странно… Казалось бы, скоро исполнится моя мечта, я стану монахом ордена иудаитов… только бы и радоваться. А я… понимаешь, раньше я просто верил. Верил, и все. И мне было хорошо и покойно. Но все эти споры с отцом… они заставили меня задумываться. И чем больше я думаю, тем чаще…

– Возникают сомнения? – заключил монах. – Не вздрагивай, сомнения – это еще не ересь. Сомнениями вера только укрепляется – если, конечно, они правильное разрешение находят… Вспомни, святой наш Петр и вовсе учеником проклятого Иисуса начинал, однако ж, сумел обратиться к Гос-

поду и высших райских почестей удостоился.

Томазо не впервые уже кольнула мысль, что почести-то эти весьма сомнительные. Не наслаждаться жизнью в раю, а просто стоять у ворот, притом – всю вечность… Лучше, конечно, чем в адском котле вариться, но все равно – для себя бы Томазо такой доли не пожелал. Грех, ой грех так думать…

– Но если сомнения укрепляют веру, откуда берутся ереси? – спросил он вслух. – Почему существуют магометане и язычники? Отчего греки и русы зовут себя искарианами, но не признают нашего Папу и отвергают наши догматы?

– Дьявол силен… – привычно произнес Бартоломео.

– Но ведь Господь сильнее.

– Господу нужно, чтобы люди сами изгнали дьявола. Вспомни, что сказано в Писании.

– В Писании сказано, что Господь любит всех людей. И принес себя в жертву за них за всех. Значит, и за магометан, и за язычников. Отчего же он не поможет им прийти к истинной вере?

– Он помогает. На многих снисходит откровение…

– Но куда больше тех, на которых не снисходит. А ведь эти люди отправятся прямо в ад! Где ж тут любовь? – Томазо сам испугался резкости своих слов. Нахмурился и Бартоломео.

– Не нам судить Господа. Если в мире и существует зло, то не потому, что Господь нас не любит, а потому, что мы сами, в слепоте своей, отвергаем его любовь.

Монах говорил уверенно, но Томазо понимал, что в его

словах нет ответа. Ибо они возвращают дискуссию к исходной точке – если всему виной слепота, почему Он не поможет людям прозреть?

– И не следует, в гордыне своей, полагать, что, если Господь не творит чудеса и знамения, то он ничего и не делает, – наставительно продолжал Бартоломео. – Он помогает заблудшим прийти к вере через нас, через воинство Иудово. До самых последних пределов Земли добираются миссионеры, несущие Слово Божие. А здесь, в сердце искарианских стран, святая инквизиция борется с диавольскими наущениями…

– Вот-вот, об этом я тоже хотел поговорить, – кивнул Томазо.

– Я знаю примеры жертвенной кротости миссионеров, но инквизиция… Проповедуя, что Бог есть любовь, она пытает и сжигает людей. Я боюсь, что многих это скорее отвращает, чем привлекает к Господу.

– Инквизиция никого не сжигает, – раздраженно возразил иудаит. – Она лишь предает закоснелого преступника светским властям. Вспомни, что и Господь наш Иуда поступил так же. А что до пыток, то лучше временные муки на земле, чем вечные муки в аду. И если некоторые люди слишком неразумны, чтобы понять это на теоретическом уровне – приходится демонстрировать им на практике, что ждет их, если они не отступятся от дьявола.

– Муки, муки… – пробормотал юноша. – Ну, хорошо –

инквизиции нужны пытки, чтобы предотвратить вечные мучения. Но зачем эти вечные мучения нужны Господу, который любит всех…

– Ты забываешь, Томазо, – резко перебил его Бартоломео. – Ох уж эта людская неблагодарность! Человек всегда будет вас хулить за то, что вы для него не сделали, вместо того, чтобы благодарить за сделанное. Ты забываешь, Томазо, что Господь и сам пошел на муки ради людей! («Но отнюдь не на вечные», – подумал юноша, но высказать это вслух не решился.) А представь себе, что было бы, если бы он этого не сделал! Что было бы, если бы Иисус победил!

Томазо молчал, хотя и это объяснение его не удовлетворило. Да, с человеческой точки зрения все так – лучше меньшее зло, чем большее. Но ведь Бог всемогущ! Что ему стоит обойтись без зла вообще? И разве любой родитель или воспитатель, имей он такую возможность, не предпочел бы исправить дурной нрав ребенка, нежели наказывать его за этот нрав? Тем более – наказывать вечно, то есть, не давая уже никакого шанса на исправление, просто наказывать ради наказания? «Господи Иуде, помоги мне! – взмолился Томазо. – Разреши мои сомнения! Позволь служить тебе с легким сердцем!

– Молишься? – догадался Бартоломео, заметив, как шевелятся губы юноши. – Правильно, молись. Человеческая мудрость худа и убога. Чего не может постигнуть ум, искушаемый дьяволом, постигает сердце, открытое Господу…

Они свернули направо, прошли еще немного и оказались на площади Цветов. Здесь уже толпился народ. Томазо, не вполне представлявший, куда они направляются, вздрогнул, когда взгляд его упал на помост, обложенный хворостом, и столб, устремленный в небо, словно воздетый перст. С одной стороны площади сколочена была трибуна; там чернели рясы монахов и пестрели яркие шелка гражданских чиновников. Слева и справа от трибуны блистали алебарды и шлемы гвардейцев.

– Ну ладно, – засуетился вдруг Бартоломео, – отсюда посмотришь, на трибуну тебе, в общем, не положено…

Томазо остался в задних рядах толпы. Он мог бы протолкаться вперед, но у него не было такого желания. Слева от него две женщины оживленно обсуждали новую французскую моду.

Справа канючил какой-то мальчишка: «Па-ап, ну возьми меня на плечи, мне не видно…» – «Да погоди ты, нет еще ничего», – раздраженно отвечал ему отец.

Наконец привели осужденного в размалеванном позорном балахоне и колпаке. Толпа зашумела, подалась вперед; многие поднимались на цыпочки. Томазо тоже продвинулся поближе к помосту, желая разглядеть лицо этого человека. Оно было бледным, но спокойным. Взгляд его был устремлен куда-то вдаль; казалось, он не замечал ни толпы, ни палача, привязывавшего его цепью к столбу. Томазо вдруг с ужасом понял, что этот нераскаявшийся грешник, еретик, точь-в-

точь напоминает ему святых великомучеников, как их изображают на картинах.

Горнист протрубил сигнал. Лица обратились к трибуне. Только осужденный по-прежнему смотрел куда-то в бесконечность, где, должно быть, открывалось нечто, внятное ему одному.

Один из монахов на трибуне поднялся в полный рост и развернул манускрипт. Томазо с удивлением понял, что это дядя Бартоломео.

– В лето Господне 1600-е, месяца февраля 7-го дня, трибунал Святой Инквизиции города Ромы, рассмотрев дело Джордано Бруно, обвиняемого в ереси…

Монах в этот миг даже казался выше и стройнее. И никакого намека на добродушие не было в его голосе. Вот он во всей красе – воин Иудов, вышедший на бой с самим дьяволом! Но чем больше Томазо слушал, тем больше переставал понимать происходящее. Приговор был составлен на редкость смутно и путано. Невозможно было вообще уяснить, в чем конкретно обвиняют этого Бруно и почему они считают, что за это его надо убить.

И почему он считает, что за это стоит умереть.

Взгляд Томазо соскользнул с трибуны, обежал площадь и снова остановился на приговоренном. Тот, словно почувствовал, отвлекся вдруг от своих далей и высей, и на какой-то миг их глаза встретились. Томазо вдруг остро почувствовал, как ему хотелось бы поговорить с этим человеком.

– …Церковь с тяжким сердцем отступается от сего еретика и предает его в руки светских властей, прося применить к нему наказание милостивое и не допустить пролития крови, – брат Бартоломео свернул пергамент и передал его кому-то слева от себя.

Хворост оказался отсыревшим, и палач долго не мог его разжечь. Но, наконец, костер запылал. И раздался первый крик – страшный, чудовищный вопль невыносимой боли, в котором, казалось, не осталось ничего человеческого. Объятая пламенем фигура корчилась и извивалась в своих цепях. А потом в ноздри Томазо ударил запах – отвратительный запах горелого человеческого мяса и волос.

«Если бы победил Иисус, было бы еще хуже, – повторял себе юноша, как защитное заклинание. – Было бы еще хуже…» Но из глубины сознания уже мощно рвалась, сметая все преграды, дикая, кощунственная, еретическая мысль: «Нет. Было бы все то же самое».

Август

Я не знаю, сколько правды в том, что я собираюсь сейчас изложить. Бесспорно только одно: кассета действительно существует, я ее слушал и воспроизвожу здесь дословно. Но можно ли верить тому, что на ней записано? Не могу ответить ни утвердительно, ни, увы, отрицательно. Решайте сами – после того, как узнаете то, что знаю теперь я.

Кассету я получил от одного моего приятеля, журналиста «Московского комсомольца». Собственно, он мне даже и не приятель – так, знакомый, с которым мы иногда обмениваемся весточкой по электронной почте. Но вот на днях, в десятую годовщину августовского путча, мы встретились вживую.

Мы не договаривались о встрече – просто и я, и он в одно и то же время оказались у Белого Дома, который (еще не будучи тогда знакомыми) защищали десять лет назад. Для меня прийти туда и принять участие в юбилейных мероприятиях – именно сейчас, когда это сделали совсем немногие – было делом принципа; что привело туда его, я не спросил – должно быть, опасаясь услышать, что он здесь просто по заданию редакции.

Итак, мы встретились; поговорили, естественно, о путче, о тех трех днях, о бездарно упущенных возможностях и о том, во что все вылилось теперь.

– И все-таки – тогда мы действовали правильно, – произнес я риторическую фразу.

– Черт его знает… – задумчиво пробормотал он.

– Что это ты имеешь в виду? – неприязненно осведомился я, готовясь к острому политическому спору.

– Да так… Ты ведь фантастику пишешь. Хочешь, подкину тему для рассказа?

– При чем тут фантастика?

– Вот и я думаю – при чем… Потому что, если это не фантастика, то все гораздо хуже, – непонятно ответил он. – Видишь ли, в октябре 93-го к нам в редакцию пришел один человек…

– Это во время мятежа красно-коричневых? – уточнил я.

– Недели через две. Он представился следователем Генпрокуратуры и показал мне свое удостоверение. Тут же, впрочем, оговорив, что делает это лишь для того, чтобы убедить меня, а не для того, чтобы его имя было названо в газете. По его словам, он был одним из тех, кто в 91-м, после провала путча, расследовал роль КГБ в августовских событиях. Собственно, больше он практически ничего не сказал, только передал мне кассету.

– Видео?

– Нет, аудио.

– И что на ней?

– Допрос одного из кэгэбэшников.

– И? – поторопил я.

– Могу дать послушать. А выводы сам делай.

– Давай.

– Думаешь, я ее с собой таскаю? Найти надо… Если хочешь, можем завтра пересечься.

Мы договорились о встрече. Если бы я действительно писал фантастический рассказ, то, наверное, сообщил бы, что кассета исчезла таинственным образом, что за несколько секунд до встречи моего знакомого сбила машина у меня на глазах и т. д. и т. п. Но я описываю все так, как было на самом деле: я подъехал к нему в «МК» и получил кассету, восемь лет провалявшуюся у него в столе. Это была обычная советская кассета МК-60, выпущенная, судя по этикетке, в июле 1990 года. Сорок минут спустя я был уже дома и вставлял ее в магнитофон.

Вот что я услышал.

«Фамилия, имя, отчество?»

«Зелинцев Евгений Витальевич».

«Год и место рождения?»

«1947, Москва».

«Национальность?»

«Русский».

«Партийная принадлежность?»

«Член КПСС с 1976 года», – в голосе отвечавшего слышалась усмешка.

«Место работы?»

«Управление «Ч» КГБ СССР».

Последовала короткая пауза – должно быть, следователь, сам явно не комитетчик, пытался вспомнить, что это за управление, или даже заглядывал в бумаги.

«В структуре КГБ нет управления «Ч», – сказал он наконец.

«Это неофициальное название. Официально это называлось – отдел анализа мифологии и фольклора. Формально отдел входил в состав управления «Т» – научно-технической разведки».

«Какую должность вы занимали?»

«С ноября прошлого года – заместитель начальника отдела».

«Итак, Евгений Витальевич, – следователь покончил с формальной частью, и тон его изменился на несколько более задушевный, – вы добровольно изъявили желание рассказать о вашей роли в подготовке антиконституционного переворота. Какую же роль вы сыграли?»

«Я был его вдохновителем».

«Поясните подробнее».

«Двадцатого июля сего года мною была подана аналитическая записка на имя Председателя КГБ Крючкова. В этой записке мною обосновывалась необходимость переворота и гарантировался его успех».

«Почему вы подали записку через голову непосредственного начальства?»

«Я имел на это полномочия».

«Вы употребили термин «переворот». Вы уже тогда отдавали себе отчет в незаконности предлагаемых мер?»

«Это не имело значения».

«Вы не ответили на вопрос».

«Да, отдавал».

«Какие цели вы преследовали?»

«Сохранение Советского Союза, восстановление железного занавеса и возобновление холодной войны».

Снова короткая пауза – видимо, следователь не ожидал столь прямого признания.

«Именно эти цели были изложены вами в аналитической записке?»

«Только первая. Второе и третье подавалось как необходимые меры. Впрочем, я не заострял на них внимание, полагая, что их необходимость очевидна при силовом варианте сохранения Союза».

«Таким образом, вы утверждаете, что основная идея путча принадлежит вам, а члены ГКЧП были лишь исполнителями ваших планов?» – голос следователя звучал профессионально ровно, но, думаю, в этот момент он всерьез усомнился в психическом здоровье допрашиваемого.

«Не совсем так. Доподлинно мне об этом неизвестно, но наверняка и Крючков, и другие давно уже рассматривали вариант силового смещения Горбачева и возврата к жесткому курсу. Я лишь подтолкнул их, пообещав успех».

«Какие у вас были основания для таких обещаний?»

«По большому счету, это была моя авантюра. Нужно было любой ценой предотвратить распад Союза, и я переборщил с гарантиями, опасаясь, что в противном случае они так и не решатся выступить. Боюсь, что это сыграло обратную роль – способствовало провалу. Полная бездарность действий ГКЧП объясняется не в последнюю очередь их верой в гарантии. Они были убеждены, что все пойдет по сценарию, и когда оказалось, что это не так, попросту впали в панику».

«А как вы вообще обосновывали подобные гарантии? Неужели ссылками на мифы и фольклор?» – следователь, кажется, впервые позволил себе иронию.

«Вам, очевидно, неизвестно, чем на самом деле занималось управление «Ч», – холодно осадил его Зелинцев.

«Так чем же оно занималось?»

«Особый отдел анализа мифологии и фольклора, – начал Зелинцев скучным голосом лектора, – был создан в 1957 году с целью изучения и использования в интересах государственной безопасности явлений, которые теперь принято называть паранормальными. Формального статуса управления никогда не имел, но по степени самостоятельности и полномочий его руководителей фактически являлся таковым. Считается, что полуофициальное название управление «Ч» получило по фамилии полковника Чебыкина, который пробил саму идею создания отдела и был его первым начальником. Однако «Ч» довольно часто расшифровывают как «чудеса» или «чертовщина».

«Управлению «Ч» удалось добиться каких-то реальных результатов?» – скептически осведомился следователь.

«Абсолютное большинство людей, которых мы обследовали – либо психически больные, либо невежды и шарлатаны. 99 % феноменов либо не находили подтверждения, либо получали объяснение в рамках традиционной науки. Но, собственно, никто и не рассчитывал, что стоит создать отдел – и реальные чудеса посыплются на нас, как из рога изобилия. Чем драгоценнее добыча, тем больше пустой породы приходится перелопатить, чтобы ее обнаружить. Очевидно, руководство было согласно, что остающийся один процент вполне оправдывает существование управления «Ч».

«Что же входило в этот процент?»

«В общем-то, ничего гиперсенсационного. Управление «Ч» не обнаружило живых или мертвых инопланетян, не доказало существование загробного мира или нечисти, не вызвало дьявола, не открыло эликсир жизни и т. д. и т. п. – во всяком случае, мне ни о чем подобном неизвестно…»

«Как давно вы работаете в отделе?»

«С 73-го. Впрочем, не только во времена, когда я был рядовым сотрудником, но даже в период, когда занимал должность замначальника отдела, я не мог гарантировать, что знаю обо всех разработках управления».

«Продолжайте о реальных результатах».

«В основном они относятся к тому, что некогда называли колдовством, а теперь – парапсихологией. Телепатия, теле-

кинез, ясновидение, наведение порчи… Но все эти явления носили локальный характер. В частности, ни одна из попыток наведения порчи на политических деятелей, находящихся за пределами СССР, не увенчалась успехом. Высказывались, правда, гипотезы, что их могут защищать от негативного воздействия аналогичные экстрасенсы или, как говорили у нас, психонты другой стороны, но я считаю это просто попыткой оправдаться перед начальством за неудачу. Атакам подвергались различные фигуры, в том числе далеко не первой величины – невероятно, чтобы они тоже были обеспечены столь экзотической защитой. В то же время обнаруженные нами целители не без успеха обслуживали престарелых кремлевских руководителей – но, как видите, бессмертными их не сделали. Хотя смерть Брежнева последовала именно после того, как его психонты были устранены по распоряжению рвавшегося к власти Андропова. Попытки применения телепатов в разведке также успеха не имели, но контрразведчикам удалось с их помощью выявить нескольких двойных агентов. Главным же недостатком всех этих методов остается то, что природа их по-прежнему остается непроясненной. Мы располагаем подробными феноменологическими описаниями, но этого недостаточно для воспроизведения эффекта с помощью техники или обучающих методик. Мы вынуждены зависеть от естественных психонтов, которые, как я уже говорил, крайне редки, и при этом остаются обычными людьми со всеми их недостатками – от болезней до перепа-

дов настроения, влияющих на их способности».

«Вернемся к теме путча. Как ваша деятельность в управлении «Ч» связана с подготовкой переворота?»

«С декабря 85-го у нас в разработке находился психонт-ясновидец Акимушкин Иван Петрович, 1919 года рождения. Я лично работал с ним вплоть до последнего времени. Должен заметить, что я всегда весьма критически относился к предполагаемым психонтам – как я уже говорил, в абсолютном большинстве случаев это оказывались пустышки. Но Акимушкин привлек наше внимание уже тем, что прошел всю войну и ни разу не был ранен. Статистически это весьма маловероятно. По словам самого Акимушкина, он просто чувствовал, куда попадет пуля или снаряд. Изначально его ясновидческие способности имели очень узкую пространственно-временную локализацию – иными словами, он мог предугадывать события, которые произойдут в непосредственной близости от него и лишь в интервале нескольких десятков секунд. Однако, чем чаще они использовались, тем более возрастали его возможности; в частности, по его словам, о бомбардировке Хиросимы он узнал в мае 45-го, но кроме него подтвердить это никто не может – по понятным причинам, он опасался об этом рассказывать. Притом необходимым условием ясновидения был сильный стресс – поэтому в послевоенной жизни его способности проявлялись намного реже. Новая полоса активизации пришлась на 63-65-е годы, когда его дочь вышла замуж за осво-

бодившегося уголовника, который обращался с ней плохо, избивал, выгонял посреди ночи на улицу, а в конце концов зарезал в припадке пьяной ревности. Причем Акимушкин, с его слов и слов нескольких найденных нами свидетелей, уже в самом начале этого «романа» в подробностях предсказал дочери, чем все кончится; впрочем, как раз это может быть объяснено обычным житейским опытом. Дочь, как мы видим, его не послушалась, и вообще, домашние в тот период не воспринимали Акимушкина как обладающего какими-то сверхспособностями; даже он сам после войны о них как-то не задумывался. Тем не менее, в этот период он впервые попал в поле зрения органов, так как, выпивая со своими заводскими дружками, распространялся о будущих успехах американской лунной программы и о том, что советские попытки запустить людей на Луну потерпят крах. К сожалению, тогда этому не придали должного значения; Акимушкина пригласили на беседу и сказали, чтобы не болтал глупостей. Это была рутинная профилактика, которой занимались оперативники Пятого управления, и в управление «Ч» сведения переданы не были. Соответствующий материал был обнаружен нами в архивах лишь в 85-м году. А тогда Акимушкина крепко напугали, и он зарекся распространяться о своих предвидениях. Очередную продолжительную стимуляцию его способности получили в 80-м, когда его сын – его второй и последний ребенок – был призван в Афганистан, где и погиб 8 месяцев спустя. По словам Акимушкина, опять

же оставшимся неподтвержденными, уже в этот период он предвидел вывод войск из Афганистана, убийство Индиры Ганди, уход от власти Пиночета, войну в Персидском заливе и ряд природных катастроф. Я, разумеется, перечисляю только общественно-значимые события, не касаясь мелких предвидений из повседневной жизни. Наконец, третий послевоенный период стимуляции приходится на 85-й год, когда жена Акимушкина умирала от рака. Мы вышли на него в конце года. Поначалу он запирался, но, получив обещание, что его женой займутся лучшие московские врачи, пошел на контакт. Состояние Акимушкиной, впрочем, было безнадежным, и она умерла спустя два месяца, хотя для нее действительно сделали все, что могли – нам нужно было добровольное сотрудничество Акимушкина, иначе мы бы не были застрахованы от дезинформации с его стороны. Очередное, помимо архивных, доказательство того, что Акимушкин – не пустышка, мы получили почти сразу: он предсказал катастрофу «Челленджера». Причем с упоминанием таких технических подробностей, о которых простой слесарь с семью классами образования никак не мог знать. Разумеется, словарного запаса ему не хватало, и он изъяснялся на уровне «там есть такая длинная круглая хреновина», но эксперты сложили из всех этих «хреновин» и «фиговин», сопровожденных его неуклюжими рисунками, вполне однозначную картину. Так что в анекдоте о том, что СССР прислал соболезнования по поводу гибели «Челленджера» за семь ча-

сов до катастрофы, есть своя доля правды. Мы действительно все знали заранее. Американскую сторону, естественно, информировать не стали; во-первых, все еще шла холодная война, во-вторых, нам нужно было самим убедиться в надежности предсказаний Акимушкина, а в-третьих, если бы мы продемонстрировали Штатам свою осведомленность, то и впрямь выглядели бы, как в том анекдоте».

«А Чернобыль? Почему он не был предотвращен?»

«О Чернобыле Акимушкин, как и большинство советских людей, узнал из сообщения программы «Время». Важно подчеркнуть, что он не в состоянии предвидеть все будущее. Только отдельные события. Он не предвидел заранее даже смерть сына и жены. Я уже говорил, что управление «Ч» не открыло ни панацеи, ни сверхоружия; возможности всех наших психонтов ограничены. Кстати, в случае Акимушкина ограничение, связанное с фактором стресса, вызвало определенную проблему. Поначалу все шло хорошо, но, по мере того как горе, вызванное смертью жены, притуплялось, прогностические способности психонта быстро падали. Мы встали перед дилеммой: либо оперативными методами постоянно создавать для Акимушкина стрессовые ситуации, либо действовать в открытую – воззвав к его ветеранскому патриотизму, добиться от него согласия на периодические инъекции стрессогенных препаратов. Был избран второй путь – во-первых, как более простой технически, во-вторых, как более надежный в плане здоровья Акимушкина,

ибо в этом случае фазу стресса он проходил под наблюдением врачей и получал дополнительную помощь по ее окончании, а в-третьих… имея дело с ясновидящим, лучше не пытаться его обманывать. Нам действительно удалось получить согласие Акимушкина. Он сотрудничал с нами в течение пяти лет, в результате чего удалось предотвратить ряд серьезных катастроф, включая крупную аварию на Курской АЭС, оснащенной реакторами чернобыльского типа. Часть предсказанных им событий относится к будущему – например, в сентябре 99-го в Москве будут совершены крупные теракты, а в октябре 2000-го произойдет революция в Белграде. Если, конечно, не будут предприняты превентивные меры. Будущее недетерминировано; то, что видел Акимушкин и другие ясновидцы, – лишь наиболее вероятное развитие событий, однако оно может быть изменено».

«Итак, как это все соотносится с подготовкой путча?»

«Мы как раз подошли к этому. Прогностические озарения приходили к Акимушкину независимо от его сознательной воли; иными словами, его нельзя было просто спросить, что произойдет там-то и тогда-то. Факты будущего открывались ему случайным образом, причем, чем дальше во времени и пространстве, тем меньше этих фактов удавалось узнать. Поэтому, хотя мы и располагали обрывочными сведениями о тех или иных – не обязательно катастрофических – событиях ближайших десятилетий, сложить из них цельную картину будущего СССР и мира в целом долго было невозможно.

Однако по мере того, как будущее становилось из далекого более близким, а прогностическая сила Акимушкина, благодаря регулярной тренировке, росла – мозаика быстро начала складываться. В мае этого года я уже знал, что произойдет в ближайшие годы. 20 августа был бы подписан новый Союзный договор, но это была бы лишь очередная стадия агонии империи. Уже к концу года в так называемом ССГ остались бы только Россия, Средняя Азия и Казахстан. При этом Россия оказалась бы в роли экономического донора для нежизнеспособных экономик остальных республик, одновременно практически утратив реальное влияние на их политику. Растущее в России недовольство таким положением дел, подогреваемое к тому же демократическими политиками, привело бы в конечном счете к выходу России из Союзного договора. Президенту ССГ осталось бы лишь признать случившееся и объявить о своей отставке вместе со всем союзным руководством. Осенью 92-го Союз окончательно прекратил бы свое существование».

«И именно это побудило вас способствовать подготовке переворота?»

«Нет. Это меня скорее обрадовало. Я никогда не испытывал симпатий к советской империи, а коммунистов презирал с пионерского возраста, – Зелинцев сделал паузу, явно наслаждаясь удивлением следователя. – Помните, как сказал кто-то из физиков: наука – это способ удовлетворять свое любопытство за государственный счет. Членство в КПСС и

КГБ давало возможность заниматься интересовавшими меня исследованиями – легально, с хорошим финансированием и почти неограниченными полномочиями. И я принял эти условия игры, потому что других тогда не было. Но это отнюдь не значит, что я разделял советскую идеологию. Собственно, управление «Ч» в большинстве своем состояло из таких еретиков, ибо, с точки зрения коммунистических ортодоксов, никаких паранормальных явлений нет и быть не может».

«Как же вас терпело высшее руководство?»

«Не думаете же вы, что высшее руководство и в самом деле верило в ту чушь, которой потчевало народ! Впрочем, отношение к нам и в самом деле было неоднозначным. И если прошлые генсеки еще пеклись о нас, ибо зависели от наших целителей, то относительно молодой и здоровый Горбачев относился к нам крайне скептически. При нем финансирование было урезано в несколько раз».

«Значит, вы провоцировали путч, чтобы вернуть прежние, более благоприятные для вашего отдела времена?»

«Да нет же! Мною руководили отнюдь не личные мотивы, иначе с какой стати я бы стал делать вам все эти признания… Итак, помимо грядущей судьбы Союза, в мае я выяснил кое-что еще. А именно – прогностическая сила Акимушкина, доселе возраставшая при регулярном использовании, хотя и все более медленными темпами, достигла максимума и начала снижаться. Объяснение этому очень простое

– возрастная деградация мозга. Акимушкин и так продержался очень долго, даже с учетом уровня той медицинской опеки, которой мы его окружили, – ему ведь было уже 72 года, притом на протяжении последних шести лет он испытывал постоянные негативные стрессы. Другого ясновидца такого уровня у нас не было и, насколько я мог судить по опыту отдела, могло не появиться еще много лет. И это в преддверии глобальных мировых изменений, которые неизбежны при развале Союза и вместе с ним – всей коммунистической системы! Поэтому необходимо было выжать из Акимушкина как можно больше, пока он еще на что-то способен. На свой страх и риск я распорядился увеличить дозы стрессогенов и сократить промежутки между сеансами. Одновременно, конечно, были увеличены и дозы стимуляторов, которыми мы поддерживали Акимушкина на плаву, но все равно это была дорога в один конец – однако другого выхода не было. И это помогло. Акимушкин продолжал давать все более дальние прогнозы. 15 июля он сделал свое самое долгосрочное предсказание.

Оказывается, по направлению к Солнечной системе практически в плоскости земной орбиты движется планетоид размером несколько меньше Луны, но более плотный и, соответственно, массивный. Его скорость относительно Солнца около 60 километров в секунду. В августе 2057 года он врежется в Землю лоб в лоб. С учетом орбитальной скорости Земли, скорость столкновения составит 90 километров в се-

кунду. По заключению экспертов, результатом такого катаклизма будет, как минимум, гибель всех высших форм жизни и уничтожение любых искусственных сооружений, а как максимум – разрушение Земли как планеты».

Зелинцев не удержался от драматической паузы, которую следователь использовал для вопроса: «И все же, причем здесь нынешний переворот?»

«18 июля я провел еще один сеанс с Акимушкиным, надеясь получить дополнительные сведения, которые помогли бы как-то предотвратить катастрофу. Доза стрессогенов была максимальной, и, к сожалению, сердце Акимушкина не выдержало. Реаниматологи оказалась бессильны.

Тогда я решил, что должен попытаться решить задачу сам. Из того, что успел сообщить мне Акимушкин, следовало, что земная наука будет на подходе к созданию оружия достаточной силы, чтобы уничтожить столь крупное небесное тело или хотя бы существенно изменить его траекторию – но все-таки не успеет. По тем вехам грядущих исторических событий, которые мне известны, можно приблизительно реконструировать путь цивилизации в ближайшие 60 лет. В промышленно развитых странах, включая Россию, в общем и целом восторжествует западная модель демократии. Китай и исламские режимы будут представлять собой фактор нестабильности, но не настолько серьезный, чтобы это потребовало гонки тяжелых вооружений. В науке основные усилия и средства будут направлены на биохимию, генетику, медици-

ну в целом, а также на разработки в области нанотехнологий и информатики. Космос окажется отодвинут на задний план. Все это, в принципе, вполне разумно – если не знать о той штуке, что летит нам навстречу.

Теперь рассмотрим вариант, что Советский Союз сохраняется, притом в жестком коммунистическом варианте. Возобновляется холодная война и вместе с ней – гонка вооружений. Это неправда, будто советская милитаризованная экономика уже полностью исчерпала себя. В конечном счете, разумеется, банкротство и полный коллапс Союза неизбежны, но лет 15–20 в запасе еще есть, а при условии проведения умеренных экономических реформ китайского образца – так и еще больше. Хотя Советский Союз, скорее всего, не создаст оружия спасения Земли и, возможно, даже не доживет до его создания. Он нужен лишь для того, чтобы вынуждать Запад и в первую очередь Штаты действовать. Не впасть в сытое благодушие. Реанимировать программу СОИ, наращивать космические мускулы. И тогда непрошеного гостя из космоса Земля встретит во всеоружии».

«Почему вы не пытались попросту информировать о космической опасности руководство или общественность?»

«Не забывайте, что ясновидение не признано официально ни у нас, ни на Западе. И даже задокументированные нами верные предвидения Акимушкина не могут служить доказательством. В отношении планетоида у нас нет ничего, кроме его слов. Теоретически он мог ошибиться, мог даже

сознательно соврать. А речь идет о программах стоимостью в сотни миллиардов долларов, о долгосрочном изменении научной и военной политики мировых держав. Даже если пара-тройка бульварных газет напечатает аршинными буквами: «ОТКРОВЕНИЯ СОТРУДНИКА СЕКРЕТНОГО ОТДЕЛА КГБ: НАС ЖДЕТ КОНЕЦ СВЕТА!» – по-вашему, это на что-нибудь повлияет?»

«Но члены ГКЧП поверили вашим гарантиям успеха переворота».

«Это другое дело, это нечто близкое и понятное, а не космическая опасность, грозящая через 66 лет. Кстати, переворот я не выдумал. Я действительно описал им реальные события, предсказанные Акимушкиным, изменив только дату. На самом деле это должно было произойти в сентябре 94-го. Силовое противостояние между Кремлем и российским Верховным Советом, Белый Дом как штаб оппозиции, Руцкой и Хасбулатов как ее лидеры, толпа сторонников вокруг здания, ввод в город танков, и в итоге – танки и группа «Альфа» решают исход противостояния в пользу Кремля. Когда все началось, я и сам поверил, что мне удалось сдвинуть события во времени – все шло по сценарию. А потом… танки стали переходить на сторону Белого Дома, альфовцы отказались штурмовать… Все пропало».

«Планетоид может быть обнаружен астрономами?»

«Нет. Он еще слишком далеко. Когда его заметят – будет поздно».

«Тем не менее, вы сами вызвались дать показания. Значит, теперь вы не считаете, что легальные пути бесполезны?»

«Не переоценивайте человечество. Путч и гонка вооружений был единственным путем к спасению. Теперь, когда с этим ничего не вышло, ничто уже не имеет значения. Я не могу лишать мир чисто теоретического шанса, потому и рассказываю вам все это… но не думаю, что это поможет».

«Хорошо. Прошу вас не покидать город. Вас вызовут, когда это будет необходимо. Распишитесь вот здесь…»

На этом месте запись обрывается.

Вечером я позвонил своему знакомому. В принципе я очень не люблю звонить по телефону, предпочитая пользоваться электронной почтой – насколько мне известно, это болезнь многих компьютерщиков – но тут мне хотелось слышать его голос.

– Классный прикол, – сообщил я ему, – но не думаешь же ты, что я и в самом деле в это поверю?

– Можешь не верить, – ответил он. – Я и сам не то чтобы очень верю. Только, Юр, я тебя не разыгрываю. Мне действительно принесли эту пленку в 93-м.

Если он и врал, то у него неплохо получалось. Во всяком случае, я продолжил расспросы:

– Ну а этот тип, якобы следователь… что он тебе еще рассказал?

– Якобы или не якобы – не знаю. Удостоверение выгляде-

ло, как настоящее, но экспертизу я, сам понимаешь, не проводил. Хотя не думаю, что кто-то изготовил качественную подделку только для того, чтобы пошутить. Дорого и небезопасно – уголовная статья, как-никак… А сказал он, что колебался, стоит ли вообще подшивать материал к делу. У него было две гипотезы: либо у Зелинцева не все дома, либо кто-то в КГБ таким странным способом пытается обелить путчистов. В конце концов он применил правило «не знаешь, как поступать – поступай по закону», передал протокол допроса наверх вместе с другими материалами расследования деятельности КГБ и умыл руки. Благо дело возглавлял не он и финальные выводы делать был не обязан. Но аудиозапись у себя сохранил… Очевидно, наверху показания Зелинцева тоже сочли бредом. В заключении по материалам расследования, подписанном Бакатиным, никакое управление «Ч», естественно, не упоминается.

– А оно вообще существовало, это управление «Ч»?

– Черт его знает. Я потом беседовал с несколькими бывшими кэгэбэшниками – никто не подтвердил. Но кое-кто из них, по-моему, при этом лукаво улыбался… Вообще в Союзе велись подобные исследования. В 85-м при Госкомитете по науке и технике в глубоком секрете был создан некий Центр нетрадиционных технологий, занимавшийся торсионными полями…

– Торсионные поля – такая же чушь, как и философский камень. Давно доказано.

– Да, и в 91-м, еще до путча, этот центр прикрыли. Это была афера по выкачиванию государственных денег и не более чем… Было даже постановление Верховного Совета СССР… погоди, у меня записано… вот: от 4 июля 91-го года, «О порочной практике финансирования псевдонаучных исследований из государственных источников». Было интервью «Комсомолке» бывшего кэгэбэшника, работавшего с экстрасенсами – это «толстый» номер за 12–17 января 96-го… Он говорил, что положительных результатов по тем же телепатам получено не было, и ни о каком управлении «Ч» тоже не упоминал. Но все это, как ты сам понимаешь, ничего не доказывает и не опровергает. Параллельно с одними секретными конторами могли действовать другие, еще более секретные. Звучит как паранойя, конечно, но чего в нашей стране не бывало… Особенно если предположить, что рассекретили со временем именно тех, которые успеха не добились.

– После путча такие конторы тоже были, и даже не особо засекреченные. Шарлатанство, разумеется. Помнится, пару лет назад в «Новой газете» была классная серия разоблачительных статей «Вооруженные нечистые силы»…

– Да, я читал. В 98-99-х. Но, опять-таки… Даже если у вас паранойя, это еще не значит, что ОНИ вас не преследуют…

– А ты не боишься, что мы с тобой по телефону это обсуждаем? – усмехнулся я.

– Может, и не стоило бы, – ответил он серьезно. – Хотя

есть у меня подозрение, что если это управление «Ч» и было, после путча его разогнали. Возможно, и не без помощи того самого протокола допроса.

– Ну а сам-то следователь что насчет управления «Ч» сказал?

– Ничего не сказал. Я ж вообще смог пленку прослушать только после его ухода, так что предварительный разговор у нас шел как бы вслепую… И координат для связи он не оставил. Сказал только, что прийти к нам в газету его заставили октябрьские события, а дальше уж наше дело, что с этим всем делать. В общем, опять умыл руки.

– А причем тут октябрьские… а, да, Зелинцев же на пленке упоминает нечто похожее. Но он же говорил о сентябре 94-го, а тогда ничего не было! Война в Чечне позже началась, да и не похожа она совсем…

– Так ведь, по Зелинцеву, Союз должен был распасться только в 92-м! Вот сроки и сдвинулись.

– Ну, и что ты?

– Я, в общем, тоже решил, что это байда какая-то. Мне-то он пленку уже после октябрьского мятежа принес, и доказательств, что она записана в 91-м – никаких. Так что я даже с редактором говорить не стал. Как шутка, это не смешно, а всерьез такое давать без всяких доказательств… нас и так постоянно в желтизне обвиняют. В общем, так у меня эта кассета и валялась в глубине нижнего ящика стола. И даже после взрывов домов в Москве я о ней не вспомнил, не до то-

го было. А вспомнил только, когда Милошевича скинули…

– Собственно, это еще ничего не доказывает, – заметил я. – На кассете не сказано «взрывы домов». Сказано «теракты в Москве». А в Москве этих терактов было… особенно если считать, что кассета записана в 93-м. Тогда бизнесменов чуть не каждый день взрывали. Простая экстраполяция на будущее, ничего сверхъестественного.

– Сказано «крупные теракты».

– Ну, крупные… масштаб – вещь относительная… Вот если бы было четко сказано – два взрыва домов, адреса, число погибших – тогда да. А так – совпадение. Как с Нострадамусом: все его предсказания оказываются верными лишь задним числом, при правильно подобранной трактовке.

– А Милошевич?

– А что Милошевич? Балканский кризис – самый тяжелый и затяжной в современной Европе. В 93-м это уже было вполне ясно. Уж если предсказывать какую европейскую заваруху, называй Югославию – не ошибешься. Опять же, Милошевича скинули после подтасовки исхода выборов. А о том, что в 2000-м будут выборы, и что Милошевич не остановится перед любыми подтасовками, опять же было известно заранее…

– Не слишком ли много совпадений?

– Знаешь, если подсчитать, сколько совпадений понадобилось, чтобы любой из нас появился на свет, получится, что мы вообще не можем существовать.

– А кому и зачем, по-твоему, нужна такая мистификация? Денег он не просил. Версия насчет «обелить путчистов» не катит. Зелинцев их, собственно, и не обеляет, лишь говорит, что подтолкнул их к тому, чего они и сами хотели. И что Союз был нужен лишь для того, чтобы окончательно надорвать пуп в гонке с Америкой, но заставить ее эту гонку вести.

– Ну а зачем всякие идиоты звонят о якобы подложенных бомбах? Чтобы сидеть потом дома, читать о своей проделке в газете и прикалываться, сколько народу напугал.

– Тот мужик на прыщавого недоумка не походил.

– Мужики тоже разные бывают… А вообще – знаю. Какой-нибудь оголодавший инженер, работающий на космос и оборонку, решил таким образом вернуть престиж и финансирование своей отрасли. Не, серьезно. По-моему, идея достаточно безумная, чтобы быть гениальной.

– Все может быть, конечно…

Меня осенила еще одна мысль:

– А самого Зелинцева ты искать не пробовал? ФИО известны, год рождения тоже…

– Пробовал.

– Ну и? – я приготовился к очередной реплике «не нашел, но это ничего не доказывает – раз он работал в секретном отделе…»

– Нашел. Только без толку. Застрелился он. Тогда же, в сентябре 91-го. Я пытался что-нибудь у его вдовы узнать, но она не захотела разговаривать. Удалось его бывшую соседку

найти, бабулька оказалась словоохотливой, но сам понимаешь, он с ней служебными секретами не делился…

– Но он хоть был кэгэбэшником?

– Не знаю. Бабулька утверждает, что был, но если бы я спросил, был ли он американским шпионом, она бы и с этим согласилась. Однако, стрелялся он явно не из пальца, и это о чем-то да говорит.

– Помимо жены и соседки, о Зелинцеве и его самоубийстве могли знать и другие люди. И кто-то из них мог сыграть роль следователя.

– Мог.

– Но ты так не думаешь?

– Я не знаю.

– Ну хорошо, – сказал я, – а почему ты не стал печатать материал сейчас?

– Так ведь я сейчас в том же положении, в котором был следователь, когда пришел ко мне. Он знал, что кассета записана до октябрьских событий, но не мог это доказать. Я знаю, что она записана до взрывов домов и победы над Милошевичем, но не могу это доказать. Какой-нибудь совсем дешевый таблоид ухватился бы и за такой материал, но… ты сам слышал, что сказал на сей счет Зелинцев.

– А зачем ты отдал кассету мне?

– Ну я ж говорю – можешь сделать из этого фантастический рассказ.

– Ты думаешь, ему поверят больше, чем статье в таблои-

де?

– Да нет, конечно. Ему вообще никто не поверит, но, может, хотя бы напечатают в чем-то более долговечном, чем однодневная газетенка. И если в будущем всплывет что-нибудь об управлении «Ч», будет ясно, что ты это не выдумал.

– Ну, насчет «напечатают» – с этим сейчас сложно… Но можно, конечно, и написать. На тебя ссылаться? – спросил я полушутливо.

– Знаешь, – ответил он, подумав, – лучше не надо.

Этот разговор состоялся три дня назад. Как видите, рассказ я написал – если это можно назвать рассказом. Теперь вы знаете то же, что и я. Возможные объяснения (кроме самого простого: что все изложенное на кассете – правда) вы прочли выше. Замечу лишь напоследок, что даже если это и правда, отсюда никак не следует правота Зелинцева. По-моему, его идея о том, что единственным выходом была коммунистическая диктатура и холодная война – это не более чем отголосок вечных мессианско-мазохистских идей о том, что предназначение России – жертвуя собой, спасти мир. Во всяком случае, после августа 91-го мир уже развивается по несколько иному пути, чем предсказал Акимушкин. Поможет ли нам это в августе 2057-го? Я не знаю. Как не знаю и того, чем окончился бы успех Зелинцева – может быть, тотальной войной задолго до прибытия планетоида? Я знаю лишь, что, если бы перенесся на 10 лет назад – снова пошел бы защищать Белый Дом. «Лишь тот достоин жизни и свободы,

кто каждый день идет за них на бой». Если как следует вдуматься – вполне здравая мысль…

23–26 августа 2001 г.

В двух шагах от моря

Живые:
Джордж Робинсон, в прошлом – хозяин дома, 53 года
Магда, его жена, 48 лет
Эдвард, его брат, 43 года
Дэвид Норфилд, кузен Джорджа, 45 лет
Томас Хорсмэн, в прошлом – друг Джорджа, 51 год
Арнольд Робинсон, сын Джорджа и Магды, 22 года
Тони, сын Баффитов, 19 лет
Элис Робинсон, дочь Магды, 16 лет

Мертвые:
Дэниэл Робинсон, близнец Эдварда
Памелла Робинсон, жена Эдварда
Мелисса Баффит, младшая сестра Магды
Ричард Баффит, ее муж
Энн Хорсмэн, жена Томаса
Клэр, кухарка

– Все-таки карты – величайшее изобретение человечества, – заметил Эдвард, перетасовывая колоду. – Шахматы наскучили нам уже на третий год.

– Еще бы они тебе не наскучили, раз ты мне все время проигрывал, – усмехнулся Дэвид. Он не принимал участия

в игре, а сидел в кресле-качалке в углу, перелистывая «Нью Йоркер» за 2005 год. Еще несколько журналов лежало у него на коленях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.